

66
У91

ЭЖ

КУРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

III

КУРСК — 1954

КУРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

III
ПРЕС. СЕР. II. NO 1976 г.

—O—

БИБЛИОТЕКА
Курского
Госпединститута

КУРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1954

Редколлегия:

Доктор педагогических наук **Веселов А. Н.**; доцент **Маригодов В. Л.** (главный редактор); доцент, кандидат педагогических наук **Френкель И. А.**; доцент, кандидат филологических наук **Востокова С. И.**; доцент, кандидат физико-математических наук **Колпаков П. Е.**; доцент, кандидат исторических наук **Лаппо Ф. И.**; доцент, кандидат географических наук **Кочергин П. Г.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третьем сборнике «Ученых записок» Курского государственного педагогического института помещена часть работ, выполненных научными работниками за последние годы.

Редколлегия обращается к читателям с просьбой свои критические замечания об отдельных статьях и сборнике в целом присылать по адресу: г. Курск, ул. Радищева, 33. Пединститут.

Редколлегия.

П. В. ИВАНОВ,
доцент, кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ «НАКАЗА» ЕКАТЕРИНЫ II

XVIII столетие в истории России — это не только время продолжавшегося углубления и расширения крепостничества, но и время того «нового периода русской истории», который характеризовался «усиливающимся обменом, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Сдвиги в экономике проявлялись прежде всего в том, что центр страны — Московская губерния² в 60-е годы XVIII столетия уже не мог удовлетворять себя собственным хлебом, нуждаясь в привозных продуктах питания из-за занятости населения неземледельческим трудом³. Обнаружились и изменения, происходившие в помещичьем хозяйстве. Одни землевладельцы свои деревни «положили на оброки», считая для себя это более выгодным, чем барщину: «помещик оброком от крестьянина больше получает дохода»⁴. Другие землевладельцы держали крестьян на барщине. И этим земле- и душевладельцам также свойственно было стремление получать «большой доход» от обладания крещеной собственностью. «Большой доход» получали в силу различных причин:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137.

² В 60-е годы XVIII века территория Московской губернии — территория нынешних (полностью или частично) Московской, Калининской, Ярославской, Горьковской, Ивановской, Костромской, Рязанской, Калужской, Тульской и Смоленской областей.

³ Энциклопедический словарь «Гранат», т. 36, ч. III, стр. 637. Центр. Гос. Ист. Архив в г. Ленинграде (ЦГИАЛ). Секр. Эксп., оп. I, д. 1651, т. VI, л. 49, об. 51 и др.

⁴ ЦГИАЛ. Секр. Эксп., оп. I, д. 1651, т. VI, л. 50. Труды Вольного экономического общества, т. 5, стр. 61—62.

вследствие увеличения барской запашки, что вело иногда к полному лишению крестьян земли; вследствие переработки руками крестьян сельскохозяйственных продуктов и реализации феодалами товаров на рынке; вследствие отпуска или посылки крестьян «в работу», главным образом, в города (крепостник получал с владельца предприятия определенную плату, а крестьянам выдавал «корм»)¹.

Углубление общественного разделения труда и дальнейшее развитие товарного производства отражались на структуре общества: увеличивалось количество крестьян, которые занимались не столько «земледелием», сколько различными промыслами, «кормились работою»; в стране увеличивалась группа «заживных», «добрых», «достаточных», «капиталистических» крестьян. В древнейшем очаге крепостничества — в Московской губернии — была одна треть купечествуемых крестьян империи².

Все это свидетельствовало о том, что в недрах феодально-крепостнической системы имели место элементы ее разложения — черты развивающихся капиталистических отношений.

Социально-экономические сдвиги вели к усилению эксплуатации и увеличению бесправия масс, отвечавших на это ростом борьбы против поработителей. Здесь были причины и оживления общественной мысли 60-х годов XVIII века в различных направлениях и разнообразных мероприятий правительства Екатерины II по сохранению «порядка установленного».

Советская историческая наука, опирающаяся на марксизм-ленинизм и руководимая нашей партией, уже многое сделала для воссоздания действительной картины исторического процесса.

Однако, несмотря на значительные успехи, наша историческая наука имеет немало пробелов. В ходе дискуссии (1949—1951 гг.) о периодизации истории нашей страны феодального и капиталистического периодов выявилась, в частности, необходимость серьезных исследований в области экономической жизни и социальной борьбы в XVIII и начале XIX веков³, а также в области изучения явлений надстроечного порядка.

Изучение явлений надстроечного порядка имеет не только научно-познавательное, но и общеполитическое значение: показывать существо надстройки любого классово-антагонистического строя — значит, во-первых, воспитывать любовь к советской

¹ Труды ВЭО, т. 2, стр. 207; т. 16, стр. 53—54, 95—96, 134—135, 185—186, 186—187; т. 26, стр. 8—9, 49—50. ЦГИАЛ, ф. 91, оп. I, д. 401, л. 8, Центр. Гос. Архив древних актов (ЦГАДА), Розыск. Эксп., оп. 371/1, в. 8, д. 104.

² ЦГАДА, 1-й деп. Сената, Рев. Эксп., кн. 105 (3676), лл. 772—778. ЦГИАЛ, Секр. Эксп., оп. 1, д. 1651, т. VI, лл. 49, об. 53, 60, 77, об. 94, 116 и др. Мособлархив. ФМГК, оп. 316, в. 1967, д. 38, оп. 321, в. 1972, дд. 158—202.

³ Вопросы истории, № 3, 1951 г., стр. 58.

власти, которая в истории играет особую роль¹; во-вторых, помогать трудящимся капиталистических стран, особенно стран реакционного американо-английского блока, разобраться в драконовских буржуазных законах, в политическом строе буржуазии, которая теперь стала «более реакционной»², т. е. помогать борьбе трудящихся за мир, за свое освобождение.

Одной из задач, стоящих перед советскими учеными, является искоренение взглядов дворянских и буржуазных историков, неверно излагавших историю вообще и историю надстройки в особенности. Они искажали и фальсифицировали историю движений народных масс, идеализируя угодные им исторические личности. Они тенденциозно относились к основной черте феодального строя, не показывали ее связи с общественно-политической мыслью. Говоря, например, о «Наказе» Екатерины II, они останавливали свое внимание, главным образом, на истории текста. Пересмотр системы наказаний, выдвинутый в этом документе, они отрывали от крестьянского вопроса вообще, от вопроса о помещичьих крестьянах — в частности. Все содержание «Наказа», появление «либеральных ноток» в «умствованиях» 60-х гг. XVIII века дворянские и буржуазные историки объясняли «западными влияниями»³, тогда как все это определялось исторической действительностью России. Круг вопросов, затронутых в «Наказе» Екатерины II, делает его ценным источником по истории классовой борьбы в России 60-х гг. XVIII века и общественной мысли русского дворянства накануне крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.

Неправильную оценку «Наказа» давал и М. Покровский, что обуславливалось его порочной, антимарксистской методологией. Он удивлялся тому, что историки цитировали «Наказ» целыми страницами, тогда как их надо упрекать в неполноте использования «Наказа» и, больше всего, в неправильном объяснении причин появления этого исторического документа⁴.

Следует указать, что и в настоящее время оценка «Наказа» отдельными работниками идеологического фронта не может не вызывать решительных возражений. Так, нельзя согласиться с мнением проф. Д. Д. Благого, что Екатерина II в своем «Наказе» «обокрала» французских философов-просветителей, что, «начитавшись западных философов-просветителей, идеологов бур-

¹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, 1952 г., стр. 3, 7.

² И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, 1952 г., стр. 10.

³ Н. Чечулин. «Наказ» Екатерины II, СПб, 1907 г., С. Соловьев. История России, т. XXVII, В. Семевский. Крестьянский вопрос, т. I, СПб, 1888 г., стр. 38—41, 48, С. Брюлова. Общественные идеалы, Вестник Европы, № 1, 1876, стр. 50—55.

⁴ М. Покровский. Русская история, т. III, стр. 57.

жуазии, она собиралась в порядке административных мероприятий создать, в качестве противовеса не ладящим с нею кругам оппозиционного дворянства, новое законопослушное «мещанское сословие...»¹.

Эти слова говорят о том, что проф. Д. Д. Благой молчаливо разделяет мнение, будто монарх может «создать» какое-либо сословие. Более того, он, отдавая предпочтение вопросу о том, кого «обирали», проходит мимо самого важного: что «обирали», с какой целью и в силу каких причин.

Настоящая статья является частью работы автора по истории общественно-политической мысли России 60-х годов XVIII в. Из многочисленных вопросов, связанных с сочинением императрицы, в данной статье затрагиваются только те, которые, по нашему мнению, в первую очередь говорят о социально-политической направленности «Наказа».

Социально-политическая направленность «Наказа» находит свое яркое выражение, прежде всего и больше всего, в раскрытии автором такого вопроса: «Как можно узнать, что государство приближается к падению и конечному разрушению?»². Этот вопрос особо выделен в «Наказе», и на него дан весьма знаменательный ответ.

«Повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных основ». Это повреждение, как говорится далее, проявляется «в неоказании почтения государю, правительствующим, в непочитании господ, в несоблюдении законов», что ведет к «падению», к «разрушению государства» (ст. ст. 502—504, 507, 509).

Предотвратить повреждение «начальных основ», по мысли «Наказа», можно двумя основными средствами: пересмотром системы наказаний «ослушников» и ограничением помещичьей власти над крестьянами.

Пересмотру системы наказаний, т. е. «способов, препятствую-

¹ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Учпедгиз. 1951 г., стр. 288, 292. Проф. Д. Д. Благой несколько лет назад говорил почти то же самое. В «Истории русской литературы XVIII в.» издания 1946 г., читаем: «В основу составленного ею (Екатериной II — П. И.) «Наказа» депутатам она демонстративно кладет знаменитый трактат Монтескье «Дух законов», подчеркивая, что он является ее молитвенником» (стр. 181), «...Екатерина собиралась в порядке административных мероприятий создать, в качестве противовеса не ладящим с нею кругам оппозиционного дворянства, новое законопослушное сословие «людей третьего рода...» (стр. 194).

² «Наказ имп. Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения». Под редакцией Н. Чечулина, СПб, 1907 г., ст. 501. В дальнейшем статьи «Наказа» будут указаны только в тексте.

щих вознестись преступлениям» и «возвращающих беспокойных людей на путь правый и... порядок установленный» (ст. ст. 61, 78), в «Наказе» уделено большое место.

Под беспокойными людьми разумелись широкие слои народных масс, о возвращении которых на «путь правый» должна была, руководствуясь «Наказом», позаботиться законодательная комиссия.

Характер наказаний преступников следовало, как утверждает «Наказ», определить унифицированными законами, соответствующими преступлениям.

«Гражданская вольность тогда торжествует, — говорится в ряде статей «Наказа», — когда законы на преступников выводят всякое наказание из особого каждому преступлению свойства. Все, что есть произвольное в положении наказания, не должно происходить от прихоти законоположника, но от самой вещи» (ст. ст. 67, 73, 74, 77, 78, 79)¹.

«...Не надлежит никому, кроме одних законов, определять наказания преступлениям...» (ст. 148).

«Во всем, сколь ни пространно, государстве не надлежит быть никакому месту, которое бы от законов не зависело» (ст. 224).

«Наказ» признавал необходимым обеспечить умеренность, смягчение наказаний.

«Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить», гласит 96 ст. «Наказа».

Пять статей того же «Наказа» (ст. ст. 123, 194—197) посвящены обоснованию отмены пыток.

Применение смертной казни допускалось лишь в исключительных случаях (ст. ст. 211, 212).

«Намерение установленных наказаний, — читаем в 205 ст. «Наказа», — не то, чтоб мучить тварь, чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу, и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений». «Для сего, — говорится далее в той же статье «Наказа», — между наказаниями надлежит употреблять такие, которые... будучи уравнены с преступлениями, впечатляли бы в сердца людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое время были бы менее люты над преступниковым телом» (ст. 205).

Следовательно, систему наказаний, призванную оберегать «порядок установленный», Комиссия должна была установить законом, добившись, чтобы эта система не была «столь лютой», но в то же время оставляла бы глубокий след. Эта забота «о теле твари» в «Наказе» обосновывалась рассуждениями «о вольности»,

¹ В этом и в последующих приводимых местах «Наказа» и других материалов подчеркнуто автором статьи — П. И.

«об общем благе», «о естественном рассуждении» и т. п. Но и из «Наказа» ясно, что смягчение наказаний, намечавшееся данным документом, продиктовано было необходимостью устранить опасность для существовавшего тогда социально-экономического и политического строя.

«Законы, преходящие меру во благом, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное», — говорится в ст. 65 «Наказа».

II — ниже:

«В которых законах законоположение доходит до крайности, от тех всех избыть находятся способы. Умеренность управляет людьми, а не выступление из меры» (ст. 66).

Необходимость умеренных законов, стало быть, диктовалась тем, что прежние законы вели к «злу безмерному».

Об этом «зле безмерном» говорилось во многих статьях. Приведем одну из них:

«В повестях пишут о воспитании детском у японцев, что с детьми надлежит поступать с кротостью для того, что от наказаний в сердце их вселяется ожесточение: так же и с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тотчас к обороне приступают» (ст. 92).

Иначе говоря, «злом безмерным» для крепостного строя были «ожесточение», «оборона рабов», т. е. самые разнообразные формы классового протеста различных групп трудящегося населения. А так как названное «зло», как утверждалось в «Наказе», умножалось законами, «преходящими меру во благом», то эти законы следовало заменить более умеренными. По мнению составителя «Наказа», это и способствовало бы устранению опасности, угрожавшей существовавшему социально-экономическому и политическому строю. Ратуя за подобный шаг, автор «Наказа» тем самым признавал рост протеста народных масс против усиливавшегося крепостнического гнета, несмотря на то, что малейшее возмущение трудящихся подавлялось драконовскими мерами, дополненными в 60-е годы XVIII века ссылкой «ослушников» «в работу» и на ка-торгу при запрещении «непотребным людям» жаловаться на своих господ¹.

Как видим, «заботы» о «теле твари, чувствами одаренной», проистекали отнюдь не из человеколюбия. Они родились у автора «Наказа» из страха за судьбу «порядка установленного», из боязни сопротивления «рабов», мягко именуемого в «Наказе» «обороной». В изменении же системы наказаний скрывалось желание усилить их действенность.

«Искусство научает нас, что в тех странах, где кроткие наказания, сердца граждан оными столько же поражаются, как и в других местах жестокими» (ст. ст. 85, 86).

¹ ПСЗ, т. 15, 11166; т. 16, 11606; т. 17, 12311, 12316; т. 18, 12966.

«Поразить сердца граждан» «кроткими законами» «столько же», как и «жестокими», т. е. добиться от них «в сердцах людских начертания («впечатления» — П. И.) самого живого и долго пребывающего», в «Наказе» намечалось при помощи определенности, скорости, обязательности и известности наказаний (ст. ст. 221, 222, 205, 220).

Таким образом, смягчение системы наказаний означало более тонкое и гибкое их использование и рассматривалось в «Наказе» как средство ликвидации опасных для существовавшего феодального строя «ожесточений», «обороны рабов», т. е. самых разнообразных форм протеста угнетенных слоев населения против растущего крепостнического гнета.

Во всем этом нетрудно найти известное созвучие с политикой «милосердия», практиковавшейся правительством Екатерины II в 60-е годы XVIII столетия. Тем же до некоторой степени объясняется, почему рассмотренная часть «Наказа» при его обсуждении придворными перед созывом законодательной Комиссии 1767 года осталась почти без изменений.

В ряде фактов «милосердия» были такие: введение ускоренного решения дел о колодниках и увещеваний для «тех, кои дойдут до пытки», запрещение производить пытки в приписных городах, предписание поступать при пытках «с крайнею осторожностью и рассмотрением» тем инстанциям, где пытки разрешались (начиная с провинциальных канцелярий) и т. п.

Нужно сказать, что правительство постоянно требовало от всех подчиненных инстанций соблюдения «законного порядка в сем производстве»¹. Ограничение пыток оно выдавало за акт своего «милосердия».

Это было очередным лицемерием. Меры, которые вводились правительством Екатерины II, обуславливались не человеколюбивыми намерениями властей относительно трудящихся, а прямо противоположными тенденциями, что нетрудно установить даже по законодательным актам.

«Большое число во всем нашем государстве содержится в острогах, в тюрьмах и прочих местах под караулом разного звания колодников», — отмечалось в манифесте от 10 февраля 1763 года «О порядке производства уголовных дел»². Генерал-прокурор Вяземский в 1766 году из присланных к нему прокурорских рапортов «усмотрел: во многих присутственных местах колодников пред прежним умножается»³.

Увеличение числа колодников, по мнению правительства, про-

¹ ПСЗ, т. XVIII, 12894 и др.

² Там же, т. XVII, 12578.

³ Там же, т. XVI, 11750.

исходило «от нескорого решения дел», «от продолжения решения» о них¹. Это, говорится в именном указе от 10 февраля 1763 года, вело к тому, что «сии злодеи..., находясь долговременно под караулом, изыскивают способы к побегам, разбивают тюрьмы и остроги; а некоторые, будучи и на связках, уходят от приставников..., обращаются на прежние свои злодейства с вящим устремлением...»².

Устранить возможность бегства колодников предполагалось при помощи ускорения решений дел о них. В этих целях чиновникам предписывалось, чтобы они говорили колодникам, что «истинное их признание в винах избавит их при расспросах от истязания и пыток», что «показавшим справедливо» не будет «пыток, ниже пристрастных расспросов»³, чтобы должностные лица, когда «дело неминуемо дойдет до пытки», поступали «с крайнею осторожностью и рассмотрением»⁴.

Ускорение решения дел о колодниках, ограничение пыток не выражали собой смягчения всех наказаний, налагаемых на колодников. Речь шла лишь об ускорении и смягчении наказаний до определения им той или иной инстанцией государственного аппарата «должного по законам наказания»⁵.

Стало быть, абсолютно не верно, будто все это делалось «для пользы и спокойствия» населения страны. На самом деле, как видно из приведенных фактов, рассмотренные меры опять-таки были направлены к тому, чтобы пресечь борьбу трудящихся масс против усиливавшегося крепостного гнета, чтобы обезопасить существовавший социальный и политический строй. Эта линия и развивалась в «Наказе».

Вторым средством, выдвинутым в «Наказе» для устранения той же угрозы господству крепостников, было ограничение власти помещиков над крестьянами. Эта мера показывает, что именно помещичьи крестьяне были наиболее опасными существующему строю Российской империи 60-х годов XVIII века.

«Гражданское общество, так, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются», — говорится в 250 статье, начинающей известную XI главу «Наказа».

Наличие повелителей и исполнителей, требуемое «известным порядком» «гражданского общества», и было, как говорится далее в «Наказе», началом «всякого рода покорности» (т. е. крепостной зависимости), величина которой определялась «состоянием служащих» (ст. 251). Но так как, говорится в следующей статье,

¹ ПСЗ, т. XVI, 11750.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, 11759.

⁵ Там же, 11750. *

«закон естественный повелевает нам (государю — П. И.), по силе нашей власти, о благополучии всех людей пещися, то обязаны мы состояние сих подвластных (помещичьих людей и крестьян — П. И.) облегчать, сколько здоровое рассуждение дозволяет».

Из 253 и 254 статей следует, что «здоровое рассуждение» заключалось в том, чтобы, во-первых, избегать «приводить людей в неволю» без «крайней необходимости»; во-вторых, «отвращать злоупотребления рабства». Последнего предполагалось достичь через восстановление невыполняемого требования, исходящего из узаконения Петра I об опеке над «расточительными, поданных своих мучащими» помещиками (ст. ст. 256, 448—438), и через наказание тех, «кто с рабом поступал свирепо» (ст. 259).

В-третьих, не отвергалась идея необходимости «освобождения рабов», осуществление которой, однако, предполагалось постепенным.

«Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных», читаем в 260 ст. «Наказа».

Началом такого «освобождения» должно быть, по «Наказу», учреждение законами «нечто полезного для собственного рабов имущества» (ст. 261), а также «весьма нужное предписание помещикам, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы» (ст. 270).

Материальный «ущерб», вытекающий для землевладельцев из предполагаемых перемен, намечалось возместить путем дальнейшего расширения прав поместного дворянства в области торговли и промышленности. И эти все рассуждения автора «Наказа» вызваны были теми же причинами, что и пересмотр системы наказаний, о чем немало свидетельств можно найти в том же «Наказе».

«Надлежит, — говорится в 254 ст. «Наказа», — чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребления рабства отвращали, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти».

«Несчастливо то правление, в котором принуждены устанавливать жестокие законы» (ст. 255).

«Весьма нужно, чтоб предупреждены были те причины, кои столь часто приводили к непослушанию рабов против своих господ... спокойство одних и других от того зависит» (ст. 263).

Сущность облегчения «состояния подвластных» особенно выпукло указана в следующих местах «Наказа»:

В 294 и 295 ст. ст. своего сочинения автор, отметив, что «земледелие незначительно производится» потому, что «никто не имеет ничего собственного», писал: «Многие... сказывают: чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи; так же и то: чем большие на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оные — сии два мудр-

ствования, которые всегда пагубу наносили и всегда будут причинять гибель самодержавным государствам» (ст. 277).

Еще более красноречиво о том же говорится в письме Екатерины II к генерал-прокурору кн. Вяземскому, написанному, вероятно, к кануну созыва Комиссии 1767 года:

«Пророчествовать можно, — писала императрица в этом письме, — что если за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, то **бунт всех крепостных деревень воспоследует**, и что, — писала она далее, — положение помещичьих крестьян такое же критическое, что, кроме тишины и человеколюбивыми учреждениями ничего избежать не можно..., не имев обороны ни в законах и нигде; следовательно, **всякая малость может их привести в отчаяние...** Прошу быть весьма осторожным, — указывала она в заключение, — дабы не ускорить и без того **довольно грядущую беду**, если в новом узаконении не будут взяты меры к пресечению сих опасных следствий, если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против **нашей воли сами оную возьмут рано или поздно**»¹.

Итак, все «заботы» о «подвластных», предлагавшиеся для узаконения Комиссией, преследовали одну цель: избежать «грядущей беды», идущей, прежде всего и главным образом, от наиболее «беспокойных людей» — помещичьих крестьян. Их борьба была основной опасностью для «порядка установленного». Именно она и вела к «падению и конечному разрушению государства».

Были ли основания говорить, что «государство приближается к падению и конечному разрушению»?

В интересующее нас время борьба народных масс проявлялась в самых разнообразных формах, начиная с пассивных форм и кончая убийствами господ и восстаниями, что на языке представителей господствующего класса и властей называлось «разбоями», «непослушаниями» и т. п.².

Рассматриваемые в 1763 г. Сенатом челобитные помещиков содержали в себе жалобы на крестьян за их «непослушание»³.

Член Вольного экономического общества Клингштет, подводя итог прокурорским ответам на «экономические вопросы» общества, писал, что «из всех почти мест произошли жалобы о нерадении крестьянства»⁴.

¹ «Осьмнадцатый век», кн. 3, 1869, стр. 390.

² ЦГАДА, Сыск. прик., оп. 372/1, в. 254, д. 254, лл. 11—18; Розыск. Эксп., оп. 378/1, в. 7, д. 94, л. 16, в. 10, д. 132, в. 58, д. 891, в. 46, д. 692, в. 45, д. 604, в. 51, д. 789, в. 11, д. 144 и др.

³ ЦГАДА, Разр. 10, д. 450, кн. 1, лл. 379, 383.

⁴ Труды ВЭО, т. XVI, стр. 237, 239.

Пассивные формы борьбы народных масс значительно проявлялись и в бегстве. Учитывая огромное количество законодательных актов, касающихся бегства крестьян в 60-е годы XVIII века, нельзя не заключить, что в это время действительно было их «немалое число», «много», «множество беглых»¹.

Несмотря, однако, на распространенность пассивных форм борьбы, ведущее место принадлежало таким активным выступлениям трудящихся, как поджоги, покушения, часто кончавшиеся убийством феодалов и их приказчиков, массовые возмущения, для подавления которых применялась военная сила².

Екатерина II в своих «Записках» отмечала, что в первые годы ее правления «восстало около 200 тысяч крестьян», «работавших на заводах» и «принадлежавших монастырям», и что это «зло» было присуще и помещичьим крестьянам, которые «во многих уездах... переставали подчиняться и платить повинности своим владельцам»³.

В других местах своих «Записок» она называет следующие цифры: приписных крестьян, находившихся «в явном ослушании», было 49 тысяч, монастырских и помещичьих — «до полтора ста тысяч»⁴, отдельно монастырских, «взавшихся за оружие» — «более ста тысяч»⁵. Бесспорно, здесь имелись в виду крестьяне, бывшие «в явном ослушании и открытом бунте», против которых применялось «оружие и даже до пушек»⁶. Крестьян же, не подчинявшихся владельцам и властям, было значительно больше.

Говоря о непослушании приписных и духовных крестьян своим владельцам, Екатерина II наказывает «почти всех крестьян этих категорий»⁷. В издаваемых по этому вопросу законодательных актах говорилось то же самое. Так, например, в именном указе от 9 апреля 1763 года говорилось о возмущении крестьян, приписанных к разным рудничным заводам. Учрежденная Комиссия «О смирении приписных к заводам крестьян» «имела рассмотрение о всех приписных к заводам крестьянах».

«... От многих... архиерейских и монастырских властей, — отмечалось в одном из указов Сената, — всегдашние на крестьян

¹ ПСЗ, т. XVI, 11919, 12266, т. XVII, 12796, В. Семеvский. Крестьяне, 1881 г., т. I, стр. 435—443.

² ЦГАДА, Розыск. Эксп., оп. 373/1, в. 20, д. 302, в. 26, д. 369, в. 8, д. 104, и др.; сб. РИО, т. 10, стр. 178—179.

³ «Записки имп. Екатерины II». СПб, 1907 г., стр. 583.

⁴ Там же, стр. 642.

⁵ Сб. РИО, т. 10, стр. 37.

⁶ Там же, т. 27, стр. 174.

⁷ Там же, т. 10, стр. 32—33, 37, 170.

их жалобы происходят», так как «ойные», крестьяне, «находятся в непослушаниях и противностях»¹.

«Бунта всех крепостных (помещичьих — П. И.) деревень» опасалась Екатерина II и в 1767 году². И в немалом количестве законодательных актов 60-х годов XVIII века описываются «возмущения крестьян и крепостных людей против помещиков»: «многие крестьяне... отложились от должного помещикам и Властям повиновения, а потому и далее поступили на многие своевольства и продерзости...»³. Поэтому можно считать, что крестьян, «взавшихся за оружие», было не менее 200—250 тысяч человек, а волновавшихся — значительно больше. Для полноты картины следует добавить, «возмущения и беспокойства» «мастеровых и работных людей»⁴, «противозаконные поступки» дворцовых крестьян⁵, возмущение черкас⁶, «массовое брожение» в районах южных однодворческих поселений⁷, а также борьбу трудящихся других народностей.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о наличии в России особой остроты борьбы народных масс против растущего крепостнического гнета в 60-е годы XVIII столетия. О том же говорят неоднократные заявления Екатерины II, что она «за главнейшее в виду» имела обеспечение в империи «внутренней тишины», «мира и тишины», «тишины и спокойствия»⁸.

Следовательно, опасения Екатерины II за «порядок установленный» не лишены оснований. Последние подтверждаются и следующими фактами.

Во введении к проекту конституции Н. Панина говорится, что «государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света... мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся и никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели»⁹.

Бесспорно, Н. Панин под «мужиками» разумел широкие слои крепостного населения и, в первую очередь, помещичьих крестьян («подданных»), что видно и из прокурорских «ответов» ВЭО и из

¹ ПСЗ, т. 16, 11869.

² «Осьмнадцатый век», кн. 3, 1869 г., стр. 390.

³ ПСЗ, т. 16, 11593, 11678, 11875; т. 18, 12733, 12966, 13008.

⁴ ПСЗ, т. 16, 11514.

⁵ ПСЗ, т. 18, 12669.

⁶ ПСЗ, т. 17, 12733.

⁷ Журнал «Вопросы истории», № 11 за 1949 г., стр. 94.

⁸ ПСЗ, т. 16, 11668, 11693, 13039 и др.

⁹ Историч. сб. Вольн. Рус. Тип. в Лондоне, кн. 2, Лондон, 1861 г., стр. VIII, XIII, 169—189.

воеводских докладов Сенату за 1767 год¹, а под «государством», которое «силою и славою своею обращает на себя внимание целого света» и которое они, эти «мужики», способны привести «на самый край разрушения и гибели», — имел в виду Российскую империю.

«Я позволю себе сказать, — писал Екатерине II в 1775 г. новгородский генерал-губернатор Сиверс, — что неограниченное рабство погубит государство, и мне кажется, — продолжал он, — я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главной причиной волнений от Оренбурга до Казани и на нижнем течении Волги»².

Слова Сиверса выражали сбывшиеся для господствующего класса опасения, о которых говорится в «Наказе», в письме императрицы генерал-прокурору Вяземскому и в проекте конституции Н. Панина.

В депутатских дворянских наказах Московской губернии (1767 г.) тоже говорится о «нерадении» крестьян, о крестьянах, «чинящих насилия», о «ворах», «разбойниках», «смертных убийцах». Авторы наказов расценивают все эти формы борьбы крепостного населения так же, как «разрушение целостности государства»³.

Таким образом, авторы приведенных документов видели в «несносном рабском иге» одну из причин возникновения «непопулярностей». Поэтому они готовы были допустить в целях спасения существовавшего социального строя некоторое ограничение крепостного права.

Важно отметить, что среди российского дворянства в 60-е годы XVIII века сторонники подобных мнений далеко не исчерпывались названными лицами и что тревога за «порядок установленный» широко была распространена в господствующем классе России того времени. Причины этой тревоги были в ожесточенных классовых противоречиях, ведущее место среди которых занимала борьба помещичьих крестьян. Это и нашло свое отражение в «Наказе», призванном, по мнению его автора, указать пути смягчения возникших в стране классовых противоречий.

Содержание «Наказа» станет еще более понятным, если учесть ряд обстоятельств, имевших место при его оформлении.

В «Записке» 1779 года рассказывается о том, что Екатерина II, будучи в 1767 году в Коломенском дворце, назначила «разных

¹ ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 381; Секр. Эксп., оп. 1, д. 1651.

² В. Семевский. Крестьянский вопрос, СПб, 1881 г., т. 1, стр. 180.

³ Сб. РИО, т. IV, стр. 230, 238, 246, 257, 276, 309, 315, 335—336, 360, 374—377, 420—422; т. VIII, стр. 439, 446, 475, 499, 551—552, 594, 515—516, 533.

персон», чтобы они выслушали заготовленный ею «Наказ». «Тут, — говорится далее, — при каждой статье родились прения». В результате «персоны» «более половины из того, что было написано» императрицею, «помарали, и остался Наказ Уложения, яко оный напечатан», т. е. принял форму наставления Комиссии проекта нового Уложения¹.

В связи с этим встают такие вопросы: во-первых, о варианте «Наказа» до его «марания» и во-вторых, об участвовавших в прениях и «мараниях» «разных персонах», т. е. о сторонниках и противниках содержания ранней редакции сочинения Екатерины II.

Известно, что «маранию» ранний вариант «Наказа» подвергся в той его части, где затрагивалась власть помещиков над крестьянами (XI глава)².

XI глава раннего варианта «Наказа» начиналась невошедшими в печатную его редакцию словами: «Наука правления состоит в обращении людей к добрым привычкам, в препятствовании и уменьшении дурных привычек... Поспешность наказания, невозможность избыть оных, закон общий без изъятия лиц. Сие служит обороною противу всех злых предприятий. В сих строках заключены в немногих словах правила, из коих все прочие узаконения истекают»³.

Затем шел дословно совпадающий с 250—254 статьями печатного «Наказа» рассказ о «гражданском обществе». Этот рассказ в раннем варианте XI главы «Наказа» заканчивался осуждением злоупотреблений крепостным правом.

«Два рода службы, — читаем здесь: — одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная соединяет крестьян неразлучно с участком земли, им данной... холопство сопряжено с услужением в доме и принадлежит больше к лицу или к особе. Великое злоупотребление есть, когда холопство в одно время и личное и существенное. Таковы были рабы — илоты у лакодемонян: на них налагались все труды вне дому господского, и в доме всяким нападкам они были подвержены»⁴.

Под илотами, положение которых охарактеризовано в приведенных строках как «великое злоупотребление», опять-таки нетрудно видеть русских помещичьих крестьян. Их положение ничем не отличалось от «холопства в одно и то же время и личного и существенного», так как именно «на них налагались все тру-

¹ Сб. РИО, т. XXVII, стр. 175.

² См. исследование Н. Чечулина, лучшего знатока истории текста «Наказа», «Наказ императрицы Екатерины II», СПб, 1907, стр. 11.

³ «Наказ императрицы Екатерины II» под редакцией Н. Д. Чечулина. СПб, 1907 г., стр. 171.

⁴ Там же, стр. XXXV.

ды вне дому господского, и в доме (господском — П. И.) всяким нападкам они были подвержены».

Придворные, как видно, не пожелали оставлять в «Наставлении» Комиссии такую оценку положения помещичьих крестьян, как и непосредственно обращенных к ним принципов «Науки правления», начинающих названную главу.

Ранний вариант XI главы «Наказа» содержал также значительно больше, по сравнению с XI главой печатного «Наказа», мер борьбы против «великого злоупотребления» и средств обеспечения этих мер.

Кроме опеки над «расточительными», «подданных своих мучащими» помещиками, и наказания господ, «свирепо поступающих со своими рабами» (ст. ст. 256, 428—438, 252), полагалось обязать помещиков постоянно обеспечивать крестьян пищей, одеждой, не бросать их на произвол судьбы ни во время болезни, ни в старости. Это значительно увеличило бы обязанности владельцев по отношению к «подданным», чем это требовалось невыполнявшимися указами «Об обязанности владельцев иметь в запасе хлеба на годичное продовольствие и на будущий посев»¹.

«Правительство должно стараться о том, чтобы крепостной имел пищу и одежду; и сие надлежит учредить законом»².

«Законы должны и о том попечение иметь, — говорится далее, — чтобы они (крепостные — П. И.) в болезнях и старости их не были оставлены (господами — П. И.)»³.

Невыполнение этих обязанностей грозило потерей прав помещика на личность крестьянина: «Клавдий, цесарь римский, узаконил рабам, оставленным во время их болезни, **от господ своих быть свободными, когда выздоровеют**»⁴.

Но в этом варианте отмеченной главы говорилось о необходимости развития положений закона Клавдия.

«Сей закон (Закон Клавдия — П. И.) утверждал рабам свободу, говорится там же. — **Но надлежало бы еще утвердить законом и сохранение им жизни**»⁵.

В целях сохранения жизни рабов предполагался пересмотр прав господина на наказание рабов.

«Когда закон дозволяет господину отнимать жизнь у своего раба или наказывать его жестоким образом, то сие должен он **употреблять как судья, а не как господин**»⁶.

¹ ПСЗ, т. XV, 11203; т. XVIII, 13017.

² Н. Чечулин. Указ. соч., стр. XXXV.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. XXXVI.

Чтобы господин наказывал рабов как судья, намечалось предписать «в производстве дела сего порядок, по которому бы не оставалось никакого подозрения о учинений рабу насилия».

Под предполагаемым «порядком» подразумевались лишение помещика прав на непосредственное наказание крестьян и передача карательных функций в руки правительственных органов, а то и «суда равных»¹.

Той же цели — ограничению произвола господина над личностью раба — должно было служить разлучение «недовольных» и освобождение от крепостной зависимости обещанной господином дочери или жены «раба»².

Введение всех этих мер, как позднее и в печатном «Наказе», автор раннего варианта XI главы выдавал за свое стремление обеспечить торжество «права естественного» и «рабов защищения гражданского»³. Однако торжество «права естественного» и здесь понималось им как устранение рассмотренной выше угрозы существовавшему строю, о чем более четко сказано в этом варианте XI главы «Наказа».

Отметив, что «несчастливо то правление, в котором владывающие принуждены устанавливать жесткие законы» (ст. 255), автор продолжал: «Причина сему, что **повиновение сделалось неносным игом**. Так, необходимо надлежало и наказание заслушание увеличить, или сомневаться о верности. **Благоразумно предостерегаться, сколько возможно, от того несчастья, чтоб не сделаться законодавцем, страх и ужас наводящим**».

Отсюда видно, как много «поработали» придворные над этой частью XI главы раннего варианта «Наказа». Не меньше они «потрудились» и над той ее частью, где речь шла об «освобождении» помещичьих крестьян, как еще об одном средстве выхода из создавшегося положения, средстве, вызванном теми же причинами.

В раннем варианте XI главы «Наказа» более определенно говорилось и об «освобождении» крестьян. После мысли печатного «Наказа» о том, что «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных» (ст. 260), следовала фраза: «**есть многие способы почти нечувствительно вводить новых граждан**»⁴.

Кроме имеющейся в печатном «Наказе» рекомендации, учредить «нечто полезное для собственного рабов имущества» предлагались еще три «способа», с помощью которых и следовало «почти нечувствительно вводить новых граждан». Необходимо заметить, что первый «способ» в раннем варианте «Наказа» был значительно

¹ Н. Чечулин. Указ. соч., стр. XXXVI.

² Там же, стр. XXXVI—XXXVII.

³ Там же, стр. XXXVII—XXXVIII.

⁴ Там же, стр. XXXVIII.

полнее: **«Законы могут учредить нечто, полезное для собственного рабов имущества», — читаем в 261 статье печатного «Наказа».** Далее идет опущенное место этого «способа»: **«и привести их в такое состояние, чтобы они могли сами себе купить свободу»¹.**

Затем шли три названные выше способа: **«Законы могут определить уреченное время службе, в законе Моисееве ограничена на 6 лет служба рабов».**

«Можно установить, что на волю отпущенного человека уже более не ирепить никому...»

«Так же можно уврачевать худые следствия при самом оного корне: великое число рабов находится при отправлении разных должностей, им порученных (и уже от сохи бесповоротно отлученных). Перенести некоторую часть сих званий на людей свободных... через это уменьшится число невольных людей»².

Условия освобождения должны быть определены законом или договором сторон.

«Надлежит, — говорится по этому поводу, — чтобы законы гражданские положили точно, что рабы должны «заплатить за освобождение» своему господину или чтоб уговор об освобождении определил сей их долг вместо закона»³.

Если же где-нибудь «освободить» будет невозможно, надлежало перевести крестьян на оброк: **«Если государственная какая причина или польза частная не дозволяет... сделать земледельцев свободными... то можно сыскать средство... они ее (землю — П. И.) обрабатывать будут по договору, с ними учиненному, за цену или дань, сходственную с плодами той земли... отчего и господину, и земледельцу следует очевидная прибыль»⁴.**

Но как видно из заключительных строк XI главы этого варианта «Наказа», в которых воздавалась похвала лифляндскому дворянству, подавшему, по мнению Екатерины II, пример, достойный подражания, названное «освобождение рабов» могло свестись к следующему:

«... Лифляндское шляхетство, — читаем в этом отрывке, — в собрании своем... в месяце январе 1765 года, согласилось... о трех примечания достойных статьях... :

1. Чтоб стяжание крестьян, в их движимом имении, особливо нажитом ими самими, почитать за собственное крестьянам принадлежащее;

2. Чтоб работу и дань, от них требуемую, какого бы они роду ни были, точно определить, наблюдая при том и то, чтоб оные с силами крестьянина сходственны были;

¹ Н. Чечулин. Указ. соч., стр. XXVIII.

² Там же, стр. XXVIII.

³ Там же, стр. XXXVIII—XXXIX.

⁴ Там же, стр. XXXIX.

3. Чтоб неумеренности домашнего наказания приличные положить пределы»¹.

Следовательно, «освобождение» включало в себя: предоставление помещичьим крестьянам прав на движимое имущество, точное определение размеров «работ и даней», положение пределов «неумеренности домашнего наказания».

Таким образом, в раннем варианте XI главы «Наказа» в качестве средств ликвидации опасностей «порядку установленному» Екатерина считала необходимым ввести, во-первых, ограничение помещичьего произвола при наказаниях крестьян, во-вторых, предоставление последним права распоряжаться «движимым имением», и, в-третьих, точное определение размеров «работ и даней». Словом, в Коломенском дворце во время обсуждения «Наказа» придворные многое вычеркнули из ранней редакции XI главы сочинения императрицы.

Но были ли «разные персоны» едины в своих взглядах?

Важность этого вопроса несомненна.

Знакомство с «вымаранными» местами «Наказа» показывает, что среди «персон» были противники ряда положений, содержащихся в одной из важнейших в политическом отношении глав раннего варианта названного сочинения. Больше того, они, как это мы только что видели, добились серьезного успеха. Поэтому совершенно естественным является противоположный вопрос: были ли среди тех же «персон» сторонники ранней редакции XI главы?

Как бы ни был велик интерес к вопросу о противниках и сторонниках «марания» «Наказа», присутствовавших при обсуждении сочинения Екатерины II в Коломенском дворце, решить его из-за отсутствия материалов невозможно. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют ответить на не менее важный в этом отношении вопрос: кто мог быть сторонником и противником «марания» «Наказа» Екатерины II?

В цитированной выше «Записке» 1779 г. рассказывается, что императрица, убедившись в необходимости приведения законодательства «в лучший порядок... начала читать, потом писать наказ Комиссии Уложения». Два года «она читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова...» Наконец, «...предуспев... довольно в сей работе», она «начала казать по частям статьи», ею «заготовленные, людям разным, всякому по его способности...»².

Мы располагаем рядом замечаний, сделанных «людьми разными» в процессе их ознакомления с «Наказом» в период, указанный автором «Записки». По своему отношению к «Наказу» «люди разные» делятся на две группы.

¹ Н. Чечулин. Указ. соч., стр. XXXIX—XL.

² Сб. РИО, т. XXVII, стр. 175.

У одной из этих групп «Наказ» Екатерины II в ранней его редакции получил одобрение, у другой — осуждение. Большинство авторов известных нам замечаний отнеслось одобрительно к ранней редакции сочинения императрицы.

Остановимся на этих замечаниях.

В цитированной уже неоднократно «Записке» 1779 г. говорится, что гр. Гр. Орлов «цены не ставил» работе Екатерины II¹. Это подтверждается попыткой братьев Орловых накануне Комиссии (1765—1767 гг.) «даровать крестьянам (своих имений, находящихся недалеко от СПб — П. И.) право собственности на землю, т. е. передать земли крестьянам в наследственную аренду... с определением размера оброка» за них².

23 сентября 1765 г. известный государственный деятель, гр. М. Воронцов, выразив «всеижайшее благодарение» Екатерине II «за милостивое сообщение» ему «многотрудного и мудрого сочинения», в замечаниях на него писал, что Е. И. В., «яко истинная мать, о детях своих пекущаяся», совокупляет «распространять свои дарования в установлении прочных законов к благополучию общенародному, **отъемля все жестокости**, содержащиеся в прежних положениях, **поставляя человеколюбие главным правилом в сочинении новых прав и законов** для гражданских правительств...»³.

Ни одного возражения автору раннего варианта «Наказа» не сделано и в подробных замечаниях на «Наказ» гр. А. Бибиковым. Он ратовал лишь за более четкое, ясное выражение мыслей. «Хотя мысль узнать можно, — пишет он в одном из своих замечаний, — но, мнится, большего требуется изъяснения»⁴.

Самые обстоятельные из положительных замечаний были сделаны В. Баскаковым — старым, умным и опытным служакой, как его характеризовал С. Соловьев⁵, давшим весьма высокую оценку труду императрицы.

«Данное мне вашим сиятельством и обратно вручаемое вам сочинение, — писал он 4 мая 1766 г. гр. Гр. Орлову, — прочел с возможным вниманием... Признаюсь... чистосердечно, что, читая мысли самой кротости и прямого человеколюбия, основанные на зрелом разуме и мудрости, приходил многократно в радостное восхищение»⁶.

«Многократное восхищение» было вызвано у Баскакова потому, что, по его словам, он «горел нетерпеливым желанием дожить до исполнения сего великого предприятия и насладиться хотя при

¹ Сб. РИО, т. XXVII, стр. 175—176.

² В. Семевский. Крестьянский вопрос, 1888, т. 1, стр. 37.

³ Сб. РИО, т. X, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 76—77.

⁵ С. Соловьев. История России, т. XXVII, стр. 309.

⁶ Сб. РИО, т. X, стр. 75—77.

конце жизни(!) тем приятным спойствием и безопасностью, которых от мудрого сего установления каждому несомненно надеяться можно»¹.

Баскаков соглашался с тем, что «милосердие» необходимо для обеспечения «безопасности» «порядку установленному» и возражал против уничтожения пытки.

В принципе не возражая против предоставления рабам «увольнения от господ», он советовал «пристунить к тому самым действием» не прежде, как «по разобранию всех соединенных с тем обстоятельств» и по сыскании «твердых, надежных и безопасных средств».

24 мая 1766 г. он писал тому же Орлову: «Предприятие сие нахожу весьма великой важности». «При неосторожном его осуществлении», — продолжал он, — могут «последовать неурейства и смятение в народе»².

Екатерина II, возразив против нежелания Баскакова отменить пытку, осталась довольна его замечаниями, отметив, что «все его примечания умны»³.

Сторонниками намечаемых «Наказом» перемен были и такие влиятельные представители духовенства, как епископы Гавриил, Иннокентий и иеромонах Платон.

Эти духовные деятели, оценивая ранний вариант «Наказа», писали 29 апреля 1766 года: «...Оное сочинение в роде законодательства есть совершеннейшее»... так как «законодательские установления Е. И. В. утверждает на основании самых ясных, твердых, непорочных, здравым рассудком и евангельским законом оправдываемым... Чрез все Е. И. В. сочинение сия... блистает мысль, чтоб доставить всякому любезную естественную вольность, соединяя оную с ненарушением одного покоя... О, да благоволит царь царствующих! — восклицали они, — чтоб сие божественное законодательство благополучным увенчано было концом... Мы за прекраснейшее жизни своя время то почтем, в которое великие монархиня Екатерина II божественные законы в свое вступят течение...»⁴.

Таковы замечания «персон», одобрительно отнесшихся к раннему варианту «Наказа» Екатерины II. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что группа сторонников «Наказа» в его ранней редакции далеко не исчерпывалась указанными лицами, давшими положительные о нем отзывы.

Переписка крупнейших землевладельцев, русского посла в Па-

¹ Сб. РИО, т. X, стр. 75—77.

² Там же, стр. 80—81.

³ Там же.

⁴ И. Снегирев. Жизнь Московского митрополита Платона. М., 1856, стр. 117—118.

риже кн. Д. Голицына и вице-канцлера кн. А. Голицына (1765—1770 гг.) показывает, что князя Голицыны также были сторонниками изменения «быта крестьян».

Эта переписка важна не только потому, что позволяет установить взгляды князей Голицыных на интересующий нас вопрос, но и потому, что она была известна Екатерине II во время ее работы над «Наказом» и служила, как и другие «мнения персон», «питательной средой» для ее труда.

«Я счастлив, князь, — писал 30 октября 1765 г. Д. Голицын вице-канцлеру А. Голицыну, — что **мои мысли о собственности встречают ваше одобрение**. Их следует считать лишь наброском, но **вы придали ему окончательную отделку** справедливым замечанием, что «собственность должна считаться средством для вдохновения любви к отечеству, и что воин, сражающийся за самого себя, с удвоенною ревностью станет защищать границы государства, с которым он получит органическую связь». «Я, — продолжал посланник, — совершенно разделяю ваше мнение... что общее и повсеместное введение подобного устройства в государстве, столь обширном, как Россия, могло бы встретить неудобство и что постепенная перемена была бы, может быть, приличнее»¹.

Значит, «мысли о собственности», принадлежащие посланнику Д. Голицыну, по его словам, получили одобрение А. Голицына. Автор этих мыслей был доволен, что однофамилец придал им «окончательную отделку», особенно тем, что наметил план их осуществления в виде «постепенной перемены».

Что вице-канцлер А. Голицын действительно одобрял «мысли о собственности», автором которых был посланник Д. Голицын, видно из черновика его ответа на письмо от 30 октября 1765 г. «Я согласен с вами, — писал вице-канцлер 18 ноября 1765 г., — что **подобная мера («право собственности» — П. И.) может быть введена...** и что даже она будет иметь все добрые результаты, от нее ожидаемые... Вы, я... мы, конечно, охотно примем эту систему...»².

В чем сущность рассуждений Д. Голицына «о собственности», которые получили одобрение А. Голицына? Мысли «о собственности», одобренные вице-канцлером, изложены в письме посланника от 6 сентября 1765 года.

«Несколько землевладельцев до **некоторой степени освободили своих крестьян** из крепостного состояния, — писал Д. Голицын, — и получили очень хорошие результаты. Королева мать (речь идет о датской королеве Софье-Магдалине — П. И.) подала пример одновременно и в политике и в человеколюбии, предоставив крестьянам своего домена **право собственности на обрабатываемые**

¹ Сб. Моск. Гл. Арх. Мин. ин. дел, вып. II, М., 1881, стр. 104.

² В. Семеvский. Крестьянский вопрос, 1888, т. 1, стр. 26—27.

ими земли и требуя в них лишь умеренный оброк, определенную подводную повинность для своих путешествий и барщинные работы, необходимые для общины. С этого времени крестьянин, сделавшись более зажиточным, без труда платит свои повинности и заботится о своем имуществе, так как он может передать его по наследству своим детям. Позвольте мне, князь, — продолжает он, — обратить ваше внимание на то, какое удивительное действие неизменно производит право собственности на землю; на него можно смотреть как на истинное основание, как на прочный фундамент благосостояния государства¹.

Выходит, «до некоторой степени освобождение крестьян», о котором писал посланник Д. Голицын вице-канцлеру и с которым последний соглашался, заключалось в предоставлении крестьянам права собственности на обрабатываемые ими земли «за умеренный ежегодный оброк, определенную подводную повинность и барщинные работы». Это «имущество», полученное на основе «права собственности», крестьянин мог передавать «по наследству своим детям».

Позднее Д. Голицын так расшифровал свою формулу: «Под дарованием крестьянам собственности я разумел, — писал он 30 сентября 1770 г., — их освобождение, т. е. **собственность их на свою личность**, без какой немыслимы все другие виды собственности; собственность движимую, т. е. их пожитки и пр.; **позволение** тем, кто в силах, **покупать земли** на свое собственное имя и владеть ими, подобно нам, господам, что со временем образовало бы их помещельную собственность»².

Екатерина II в заметках на письма кн. Д. Голицына не возражала против предоставления крестьянам «права собственности»³.

Предоставление «права собственности» крестьянам Д. Голицын рассматривал как средство ликвидации «недостатков» «домостроительства».

«... Вы знаете, князь, — писал 19 января 1766 г. Д. Голицын А. Голицыну, — что наш крестьянин не чувствует глубокой любви к труду. Я хорошо знаю, что леность неразлучна с рабским состоянием и есть его результат... лучшее, наиболее верное средство состоит в том, чтобы постепенно вывести их из подобного состояния... — право собственности...»⁴.

И — в другом письме:

«Выгоды... от собственности существенны..., но самое суще-

¹ В. Семевский. Указ. соч., стр. 24.

² Сб. Моск., Гос. Арх. Мин. ин. дел, вып. II, М., 1881, стр. 97.

³ В. Семевский. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Там же, стр. 47—48.

ственное это привязанность народа к государю, который ввел бы подобный устав...»¹.

Итак, рассмотренная переписка показывает, что князья Голицыны разделяли идеи «Наказа» в его ранней редакции.

К сторонникам ранней редакции «Наказа» следует отнести и И. Елагина.

Выходец из старинного дворянского рода, действительный статский советник и член дворцовой канцелярии И. Елагин, являвшийся одним из образованнейших людей своего времени и пользовавшийся большим доверием Екатерины II², подал императрице (в январе 1766 г.) проект «об определении в неотъемлемое владение дворцовыми крестьянами земли и о раздаче казенных деревень... на временное и определенное владение вольным содержателям»³.

Проект, по словам его автора, был предназначен для «пользы и благополучия целой империи»⁴.

Несмотря на то, что, судя по заглавию, названный проект посвящен «преобразованиям» в дворцовых селениях, Елагина занимали вопросы «всего домостроительства» империи, о чем говорит содержание проекта.

По мнению Елагина, «домостроительство» имеет ряд «неустройств».

Первое и главное неустройство в домостроительстве, — говорит он, — есть... ненадежность крестьянского домохозяина в обладании недвижимого имущества и в неопределенности с него (крестьянина — П. И.) поборов... не ведает он (крестьянин — П. И.), не будучи никаким от правительства постановлением обнадежен, достанется ли не только кровным его потомкам, но и детям такое недвижимое имущество, которое он удобрял и снабжал, пот свой проливая; и самое движимое, зависящее от неопределенной воли помещика и от ухищрения корыстолюбивого управителя, не знает он, в чьи при нем придет руки, ибо властен... помещик... ограбить дом бедного своего крестьянина, и, отдаленный от верховной власти, дворцовый управитель безответно может разорить его»⁵.

«Это, — продолжал автор проекта, — ведет к тому, что не радит (не радуется — П. И.), не прилежит и не трудится крестьянин, прилагая только единственное к тому свое старание, чтоб

¹ Сб. Моск. Гос. Арх. Мин. ин. дел, вып. II, М., 1881, стр. 106—107.

² Журнал Землевладельцев, № 21 за 1859 г., Вестник Европы, № 5 за 1878 г.

³ Журнал Землевладельцев, № 21 за 1859 г. (стр. 9—32), за тот же год, № 22 (стр. 135—184).

⁴ Там же, № 21, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 21—22.

каким-нибудь образом... приобрести нужное к пропитанию и к заплата возложенных на него поборов»¹.

Интересно признание Елагина о том, что всевластие («неопределенная воля») помещика и «ухищрения корыстолюбивых приказчиков» в отношении имущества крестьян и поборов с них, были немалой причиной неналаженности «домостроительства». Елагин вынужден выступить против имеющихся «неустройств», обосновывая свое выступление тем, что «неустройства» препятствуют «прямому земледелию и общему домостроительству», «совершенству казенных сборов». Он говорил, что крестьянам следует «дать право владеть движимым имением», «отвергнуть все старые постановления, неимение земли и неопределенные работы... положить известные на них поборы и работы»².

В результате, рассуждал Елагин, **«заведется в крестьянах благонравие, и истребится в них диная суровость... умалятся разбои и грабительства...»**³.

Судя по письму вице-канцлера Голицына посланнику Голицыну (от 27 января 1766 г.), Екатерина II одобрительно отнеслась к проекту Елагина⁴.

К сторонникам своих взглядов, выраженных в раннем варианте XI главы «Наказа», относилась Екатерина II и лифляндское шляхетство, которое под влиянием острой классовой борьбы в крае вынуждено было пойти на уступки крепостным крестьянам, приняв «статьи 1765 г.». Это заслужило похвалу императрицы, которая рекомендовала это шляхетство в своем сочинении в качестве примера, достойного подражания.

Думается, что среди членов ВЭО, ставившего своей целью предотвращение «недостатков» в «домостроительстве», были также сторонники «Наказа» Екатерины II. Это подтверждается и публикацией известной задачи: «что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны»⁵. О том же свидетельствуют появлявшиеся статьи ВЭО, в которых рекомендовалось для ликвидации «непорядков, происходящих в деревнях от грубых поступков над кре-

¹ Журнал Землевладельцев, № 21, за 1859 г., стр. 21—22.

² Там же, стр. 20, 27—28.

³ Там же, № 22, стр. 182—183.

⁴ В. Семевский. Указ. соч., стр. 29.

⁵ Труды ВЭО, т. IV, стр. 201—202; чл. ВЭО в момент опубликования «Задачи»: гр. Р. Воронцов, гр. Гр. Орлов, гр. И. Чернышев, А. Олсуфьев, бар. А. Черкасов, фон Польшен, Г. Теплов, И. Тауберт, фон Клингштет, А. Нартов, Пекин, Модель, Леман, Фалк, Эклебен, кн. А. Вяземский, Я. Сиверс, гр. В. Орлов, Удолов, А. Олишев, И. Мелесинов, Н. Штелин.

стьянами», учредить «между земледельцами» суд «из самих себя», не отягощать их «поборами», относиться к ним «милостливо» и т. п.¹. О необходимости ограничить «прихоть» помещиков говорится и в некоторых дворянских депутатских наказах Московской губернии (1767 г.)².

Приведенные материалы показывают, что в 60-х годах XVIII века среди дворян Российской империи было немало лиц, обеспокоенных судьбами своего класса и видевших в уступках «подданным» устранение опасностей («зла безмерного») для «порядка установленного». Подобные мнения были основной частью идейной питательной среды для императрицы во время ее работы над «Наказом». В некотором смысле Екатерина имела основания писать в 1765 г., что общее мнение тех, которые прочли «Наказ», гласит, что он *non plus ultra* совершенства...³, и что ей удалось бы собрать более 600 подписей лиц, одобряющих ее сочинение⁴.

Из замечаний «персон», выразивших свое несогласие с ранней редакцией «Наказа», нам известно одно. Оно принадлежало А. Сумарокову, который в данном случае являлся глашатаем сохранения в неприкосновенности крепостного права, а также «способов», его охраняющих.

«Умеренность правосудия не терпит, — писал Сумароков, возражая против «милосердия» в системе наказаний, — а требует надлежащей меры... не кротости»⁵.

«Служащие должны иметь одежду и пищу. Все имеют, а предписать господам, какую пищу и какую одежду — нельзя»⁶, — решительно выступал он против возложения на помещиков каких бы то ни было обязанностей по отношению к их «подданным».

Сумароков был против введения крестьянского суда («из самих себя»).

«Господин должен быть судья, это правда; но иное быть господином, а иное тираном, а добрые господа все судьи слугам своим и отдать это лучше на совесть господам, нежели на совесть слугам»⁷.

«Сделать русских крепостных людей вольными нельзя! — восклицал Сумароков и указывал, что в случае освобождения крестьян, скудные люди (помещики — П. И.) ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут и будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, дабы не оставаться без слуг и без пови-

¹ Труды ВЭО, т. IV, стр. 2—12.

² Сб. РИО, т. I, стр. 275—276.

³ Там же, т. X, стр. 35—36.

⁴ Сб. РИО, т. IV, стр. 228, 276, 423—424; т. VIII, стр. 483.

⁵ Сб. РИО, т. X, стр. 84.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 85.

нующихся крестьян; произойдет ужасное несогласие между помещиком и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междоусобная брань»...¹.

«Свобода крестьянская, — утверждал он в другом месте, — не токмо обществу (дворянам — П. И.) вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит»².

Насколько «ужасными» представлялись Сумарокову последствия от ограничения власти помещиков над крестьянами говорит тот факт, что окружавшая его действительность рисовалась ему «покойной», вызвав известное язвительное замечание Екатерины II³.

Следовательно, Сумароков выступал против ограничения крепостного права и охраняющих его средств потому, что это могло вызвать острую борьбу крестьян с помещиками и что для усмирения крестьян потребовались бы значительные военные силы.

Как много было сторонников подобных взглядов в среде русского дворянства в 60-е годы XVIII века, сказать трудно. Успех в Коломенском дворце представителей этой группы («маранье» «Наказа») свидетельствует о ее значительности. Большинство составителей дворянских наказов Московской губернии, большинство дворянских депутатов в Комиссии рассматривало неограниченность своей власти над крестьянами как средство установления «всеобщего покоя», видя в малейшем ограничении «несносного рабского ига» начало «разрушения государства»⁴. Особенно четко это мнение выразил депутат ярославского дворянства кн. Щербатов, опасавшийся, «чтобы сокращением помещичьей власти не порвать... цепь, связующую толь тесными узами земледельцев с дворянами...» Он боялся «разрушения государства», демагогически заявляя, что дарование свободы принесет «общий вред», «несчастье поселянам»⁵. Однако, опасаясь «конечного разрушения и гибели» «порядка установленного», и представители этой группы согласились как на смягчение системы наказаний («милосердие способов»), так и на некоторое ограничение крепостного права (не «приводить людей в неволю без крайней необходимости», «отвращать злоупотребление рабства», предписать помещикам «осмотрительность» при определении «своих поборов» и как первый шаг «освобождения рабов» учредить «нечто полезное для собственного рабон имущества»).

¹ Сб. РИО, т. X, стр. 85—86.

² А. Ходнев. История ВЭО, СПб, 1865, стр. 24—25.

³ Сб. РИО, т. X, стр. 85—86.

⁴ Там же, т. IV, стр. 285—286, 374, 377, 324, 345, 349, 385 и др.; т. XIII, стр. 483, 499, 533, 561 и др.; т. XXXII, стр. 510.

⁵ Там же, т. XXXII, стр. 509—510; т. XXXVI, стр. 27.

Таким образом, «Наказ» и рассмотренные материалы показывают, что в 60-е годы XVIII века, накануне крестьянской войны 1773—1775 гг., в среде российского дворянства многие были встревожены судьбами своего класса, наличием «недостатков» в «домостроительстве», заключавшихся, в первую очередь, в ожесточенной борьбе помещичьих крестьян против возраставшего крепостнического гнета, в угрозе «бунта всех крепостных деревень», в угрозе «падения», «погибели» и «конечного разрушения государства».

Возросшая борьба помещичьих крестьян против крепостного рабства, обострение протеста народных масс против крепостнического гнета и вызвали намеченные в рассмотренных документах, в том числе и в «Наказе», пути и средства ослабления классовых противоречий, пути защиты существовавшего социального строя — «порядка установленного».

Одни из авторов этих материалов, в целях сохранения «порядка установленного», готовы были пойти на «уступки» народным массам, прежде всего помещичьим крестьянам, другие решительно выступали против этого. Но присущий обеим группам страх перед «бунтом всех крепостных деревень», перед «разрушением государства» привел к консолидации их мнений о путях и средствах сохранения существовавшего социального строя. В результате и был выработан новый вариант «Наказа» — Наказ Уложения, «яко оный напечатан», являющийся очень важным источником для изучения истории классовой борьбы и общественно-политической мысли российского дворянства.

Содержание «Наказа» и других приведенных нами документов определялось отнюдь не какими-то зарубежными влияниями. Оно выражало стремления землевладельцев отыскать пути сохранения позиций своего класса, так как социально-экономические сдвиги, усиление крепостнического гнета повели к нарастанию протеста крепостных масс. Перед нами один из примеров того, как надстройка обслуживает и защищает ее базис.

Несмотря на некоторые расхождения в лагере крепостников о путях сохранения и укрепления своего места в обществе, никто из них и не помышлял о том, чтобы прикоснуться к основе феодализма, к феодальной собственности на землю. В этом свете не случайным представляется и то обстоятельство, что многое, о чем говорилось в рассмотренных выше материалах, осталось на бумаге. Дело прежде всего в том, что в 60-х годах XVIII века экономическое развитие, втягивавшее Россию на путь капитализма, было еще недостаточным. Поэтому феодалам удалось сохранить старые методы их господства. Понадобилось около столетия, чтобы крепостники оказались вынужденными провести отмену крепостного права.

И. М. ТОЙБИН,
кандидат филологических наук

О ПРОЗАИЧЕСКИХ НАБРОСКАХ РЫЛЕЕВА ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Среди черновых бумаг Рылеева, опубликованных в полном собрании сочинений поэта (Academia, 1934) имеется несколько прозаических набросков и заметок философско-исторического содержания. К ним относятся программа большого исторического сочинения «Дух времени или судьба рода человеческого» и примыкающие к нему по своему характеру отрывки: «Судьба России», «Прометей», «О Промысле», «О нравственности» и др.

Все эти наброски и заметки до сих пор, в сущности, обстоятельно не прокомментированы, недостаточно привлекаются исследователями при характеристике взглядов декабристов. Когда речь заходит о них, то исследователи ограничиваются либо фактической справкой (найдено там-то, опубликовано тогда-то), либо указанием на то, что они написаны «в духе религиозного фатализма»¹. Такое же объяснение им дано и в книге К. Питарева «Жизнь Рылеева», автор которой полагает, что «Рылеев склонялся к религиозно-мистическому истолкованию исторического развития»².

Таким образом, наброски, о которых идет речь, обычно использовались для доказательства присущих якобы Рылееву религиозно-мистических взглядов на исторический процесс, особого «религиозного фатализма».

Думается, что эта точка зрения нуждается в пересмотре³.

¹ К. Ф.—Рылеев. Полное собрание сочинений, редакция, вступительная статья и комментарии А. Г. Цейтлина. Academia, М.—Л., 1934, стр. 742.

² Кирилл Пигарев. Жизнь Рылеева. «Советский писатель». М., 1947, стр. 121.

³ В некоторых последних работах, посвященных общей характеристике воззрений декабристов, правильно раскрываются философско-исторические взгляды Рылеева.

Одной из ошибок исследователей, обращавшихся в той или иной связи к указанным наброскам, является то, что эти наброски, как правило, рассматривались вне связи со взглядами других декабристов.

Цель настоящей статьи — частично восполнить этот пробел и попытаться уяснить содержание отрывков и заметок Рылеева, сопоставив их с кругом философско-исторических проблем, волновавших современников поэта.

I

Формирование взглядов декабристов происходило в период, насыщенный грандиозными политическими событиями, социальными потрясениями, «битвами народов». Ощущение стремительности исторического движения, неожиданных и крутых поворотов в судьбах народов и государств составляет чрезвычайно характерную черту людей этой эпохи.

«Кажется никогда еще не видно было в человеческом роде такой неутомимой деятельности и такой, так сказать, торопливости жить, как теперь, — писал Ф. Глинка. — Зато и никогда люди не были свидетелями столь быстрых превратностей и столь чудесных событий, как в наше время. Великие события, как волны, поднятые бурей, теснясь, стремятся одне за другими. Судя по быстрому их ходу, невольно ошибемся в исчислении лет и рассуждая о том, что мы пережили, нам кажется, что мы пережили не годы, а **целые вени**»¹.

Пораженный масштабами и характером исторических событий, Рылеев восклицал: «Происшествия наших времен более достойны удивления, более невероятны, нежели все до оных в мире случившиеся...» И далее: «Как поверить, что в продолжение не более как десяти лет возрождалось и упало до десяти государств, восстанавливалось и низвергалось несколько монархов»².

Во всех приведенных замечаниях нашло свое выражение острое чутье «пульса истории», сознание огромного исторического опыта, накопленного в эти лихорадочно быстрые и необычайно значительные годы. Мысль о том, что «дух времени в несколько лет пролетел несколько столетий» (Н. И. Тургенев), становится привычкой, она отливается в устойчивую формулу.

Причудливая картина исторических событий, не укладывавшихся в нормы просветительской борьбы «разума» с «предрас-

¹ Ф. Глинка. Письма к другу. СПб, 1816, ч. II, стр. 55. (Подчеркнуто Ф. Глинкой).

² К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений, ред. А. Г. Цейтлина, изд. Academia, М.—Л., 1934, стр. 374 (далее везде ссылки на это издание, за исключением особо оговоренных случаев).

судками», личный жизненный опыт — все это заставляло мыслящих людей пытаться осознать исторический процесс и свою практическую деятельность не с точки зрения отвлеченных, предвзятых идей, а на основе конкретного изучения истории.

Объясняя причины, толкавшие общественных деятелей конца XVIII — начала XIX веков к пересмотру антиисторических теорий просветителей, Г. В. Плеханов писал: «Политические события своей быстротой, крупной и капризной сменой привели общественных деятелей конца XVIII и начала XIX века к сомнению в силе Разума. Эти же события в своем дальнейшем движении должны были дать новый толчок развитию общественной мысли, вызвать новые попытки мыслящих людей найти скрытые пружины общественных явлений»¹.

А. Бестужев писал: «Для нас необходим фонарь истории». Декабристы стремились стать историками, пытались осветить все «фонарем истории», найти в ней обоснование своей собственной деятельности.

Интерес декабристов к истории носит ярко выраженный злободневный, политический, а не отвлеченно-теоретический характер. Интерес этот неразрывно связывался с критическим отношением к окружающей действительности, и сам по себе уже был формой критического отношения к современности. Декабристам было чуждо простое коллекционирование фактов, стремление уйти от современности.

В политической утопии «Сон», приписываемой Улыбышеву, имеются строки, явно обращенные в адрес тех, кто оправдывал слова Фр. Шлегеля об историке, как «пророке, обращенном к прошлому».

«Откуда же Вы явились? — Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз?»

Декабристы выработали свою философию истории, которая противостояла ложным теориям представителей консервативного лагеря, порвавшим с традициями просвещения, обратившимся к религии, мистике. Философско-исторические воззрения декабристов, напротив, во многом сохранили плодотворные связи с русским просвещением XVIII века, с традициями Радищева, в мировоззрении которого были элементы историзма. Устремленность в будущее родной страны, вера в человеческий прогресс, отрицание мистического взгляда на историю — все это характерно для деятелей декабризма. К этому следует добавить, что их философско-исторические построения были неотделимы от политиче-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., М., Госиздат, 1924, т. X, стр. 206.

ских и морально-этических проблем, от вопросов личного поведения, оценки своих действий и поступков — все это включалось в общую систему их мировоззрения.

II

Глубокий интерес к прошлому, к истории составляет характерную черту и Рылеева.

Он был достаточно хорошо осведомлен о новейших теориях, внимательно следил за общественно-политической и философской мыслью эпохи.

Неизвестно, написал ли Рылеев какое-либо законченное историческое сочинение, но он упорно занимался историей, много размышлял над ней, стремясь к ее философскому осмыслению.

Об этом, в частности, свидетельствуют и наброски из его черновых бумаг, о которых будет идти речь. Рылеев задумал написать большое философско-историческое сочинение, от которого дошел лишь план, озаглавленный: «Дух времени или судьба рода человеческого»¹. Судя по основным тезисам, намеченным в сочинении, в нем должно было быть представлено развитие всего человечества от первобытного состояния до современности. Оно должно было состоять из двух частей. Первая часть показывала древнюю историю человечества до появления христианства. Она должна была раскрыть тезис: «Человек от дикой свободы стремится к деспотизму; невежество причиной тому». Во второй части намечалось рассмотреть историю человечества от возникновения христианства до современной Рылееву эпохи. Эта часть сочинения, в соответствии с пониманием Рылеевым содержания самой истории, должна была раскрыть тезис: «Человек от деспотизма стремится к свободе; причиной тому просвещение».

Таким образом, предполагалось представить историю человечества как путь от первобытного состояния с его «дикой свободой» к подлинной свободе, к которой оно приходит через потрясения и революции на более высокой ступени своего развития. Вот этот план.

I. Человек от дикой свободы стремится к деспотизму; невежество причиной тому.

1. Первобытное состояние людей. Дикая свобода; 2. Покушения деспотизма, разделение политики, нравственности и религии; 3. Греция. Свобода гражданская. Философы, цари; 4. Рим. Его владычество. Свобода в нем. Цезарь. Дух времени; 5. Рим поработенный; 6. Христос.

¹ «Декабристы и их время», т. I, М., 1928, стр. 54.

II. Человек от деспотизма стремится к свободе; причиною тому просвещение.

1. Гонения на христиан распространяют христианство. Распри их; 2. Феодалная система и крестовые походы. Дух времени; 3. Лютер. Свободомыслие в религии. Дух времени; 4. Французская революция, свободомыслие в политике; 5. Наполеон. Свержение его. Дух времени; 6. Борьба народов с царями. Начало соединения религии, нравственности и политики¹.

С этим замыслом связан еще один совершенно загадочный план, публикуемый под заголовком «Прометей». Его первая часть посвящена мифу о Прометее, а во второй история человечества должна была быть показана с учетом того вклада, который вносит в нее «гений» различных стран и материков.

В первой части, где используется античная мифология и дана интерпретация мифа о Прометее (борьба титанов и богов), речь идет как бы о «предъистории» человечества. Борьба гения «света и разума» с невежеством, «духом зла» раскрывается здесь в мифологических образах: 1. «Юпитер, свержение Сатурна, Прометей обманут. 2. Прометей возмущает титанов. Они побеждены. 3. Прометей, прикованный к Кавказу. Смерть его».

Далее эта же тема намечается уже на исторической основе: та же борьба «гения» человечества с «врагом человеческим», «духом зла»: «Промысл. Дух времени. Гений Греции. Гений Рима. Гений России. Гений Франции. Гений Британии. Гений Америки. Гений Азии. Гений Африки. Гений Европы. Враг человеческий. Дух зла»². Заметим, что и в этом плане значатся пункты: «Промысл», «Дух времени».

Ю замыслу исторического трактата «Дух времени или судьба рода человеческого» примыкает план сочинения по истории России, возможно, как часть или ответвление указанного выше трактата. В плане выделено несколько основных вех от «распрей в Новгороде» до «века Александра». Как и весь трактат в целом, план этой части не случайно назван «Судьба России»: Рылеева интересовала, как видно, не просто история в обычном смысле, а выяснение философских ее проблем.

С названными планами и программами связан ряд отрывков и набросков, в которых мысли автора изложены уже более развернуто. Сюда следует отнести несколько отрывков, помогающих уяснить отдельные пункты всего трактата в целом, как-то: о Наполеоне, о средневековье («Причина падения власти пап» и «Нечто в средних веках») и, кроме того, наброски общеполитичес-

¹ К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 412.

² Там же, стр. 414.

ского, в том числе этического характера. Самым значительным из них, представлявшим как бы итог размышлений Рылеева в этом направлении, является набросок «О Промысле», который мы приведем целиком:

«Человек свят, когда (поступает по законам) соглашается поступки свои с делами промысла.

Человечество не имеет свободы воли.

Усовершенствование есть цель, к которой стремится (человечество) оно по предназначению промысла; история всех народов служит тому неопровержимым доказательством. Никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его на сем пути; высокие истины, обнаруженные однажды мудрецами, бессмертны. Это такие монеты, штемпель которых от времени не изглаживается, но, напротив, еще делается явственнее. Вот почему ни одна истина древних мудрецов не пропала для нас.

Человек, в частности, одарен свободой воли, он властен делать или не делать то, что внушают ему страсти или рассудок; но его деяния худы или хороши только в отношении к нему (тут также кажется не нужно доказательств); на судьбу же всего человечества они не имеют никакого влияния, особенно, когда они не согласовались с видами промысла. Противоречия намерений с последствиями деяний человеческих ясным служат тому доказательством. Брут, желая спасти мир от деспотизма, убил Цезаря. Деяние хорошее, но оно не имело влияния на судьбу человечества, ибо не было согласно с видами промысла. Таким образом, приняв за основную истину, что человек в частности свободен, а человечество нет, можно и должно будет поставить нравственным законом для наших деяний: поступай так, чтобы твои поступки не противоречили воле промысла. Но спросят: каким образом распознать волю сию? — Воля промысла изъясляется в духе времени»¹.

Таковы, в сущности, весьма немногочисленные отрывки, связанные с философско-исторической проблематикой.

Первое беглое ознакомление с ними может, пожалуй, действительно навести на мысль о том, что они написаны в духе «религиозно-мистического» толкования истории, хотя бы из-за одной терминологии, к которой настойчиво обращается Рылеев.

К понятию промысла, провидения охотно обращались представители реакционной аристократической философии, в том числе во Франции де-Местр, Бональд — ярые враги революции, выдвигавшие идеал средневековой теократии. К этим терминам обращались и борющиеся круги у нас в России: с одной стороны, Карамзин, Жуковский, а с другой — декабристы. Но они вкладывали, однако, различное содержание в эти понятия.

¹ К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 417—418.

Взгляды представителей консервативного лагеря на исторический процесс нашли наиболее полное выражение у Карамзина, особенно в его «Истории Государства Российского».

Для Карамзина история, в сущности, непостижима простым смертным, ибо в ней властвует божественное провидение, которое руководит монархами. В альбоме 1811 года Карамзин делает выписку из Боссюэ: «Возникновение и падение государств зависит от воли провидения: оно руководит действиями мудрых государей, оно же дарует победу завоевателям и готовит им гибель в то время, когда они взойдут на верх славы и могущества»¹. Носителями божественной воли являются монархи, законодатели. Так, например, Иван III, с точки зрения Карамзина, относится «к числу немногих государей, избранных провидением решать надолго судьбы народов»². Карамзин совершенно отрицает значение личной воли простых людей. Они должны уметь лишь отрекаться от своих мятежных страстей, подчиняясь воле монарха, существующей власти, которая одна освящена провидением.

Еще раньше в «Письмах русского путешественника» Карамзин писал: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей — и довольно»³. Таким образом, как указывает Н. Дружинин, концепция Карамзина философски обосновывала осуждение переворотов, борьбы с монархией, проповедуя смирение⁴.

Карамзин отвергал понятие исторического прогресса, усовершенствования человечества, ибо считал, что история, в сущности, неизменна: всегда, «во всех веках», существуют «несовершенства», и всегда человек должен находить свое счастье в примирении с ними. Такова воля провидения, она непостижима. «Будущее известно единому богу», — заявлял историограф.

Хотя Карамзин не порывал еще во многом с рационализмом XVIII в., но, несомненно, что понятие «провидение» связывалось у него с требованием слепого подчинения и примирения человека с существовавшей действительностью, с идеей бессмысленности попыток человека постичь предначертанный ход истории и изменить его.

Из этой реакционной теории, объявлявшей неразумными все попытки борьбы против существующей монархической власти,

¹ М. Погодин. Н. М. Карамзин, М., 1866, т. II, стр. 88.

² Н. М. Карамзин «История Государства Российского», изд. 5, СПб, 1842, кн. 2, стр. 210.

³ «Русская проза XVIII века». Госиздат, М.—Л., 1950, т. II, стр. 446.

⁴ Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 99.

исходят соответствующие этические представления о личном поведении человека, о его добродетели. В основе нравственности, с точки зрения Карамзина, лежит отношение к божеству, провидению, которое неотделимо от монарха; ведь он и есть «наместник бога на земле».

Итогом морально-этических рассуждений Карамзина, неразрывно связанных, как мы видели, с его философско-историческими и политическими взглядами, является вывод: история должна учить правилам «государственной нравственности», которая немыслима без «благоразумия». Иначе говоря, для Карамзина нравственность неотделима от ревностного послушания монархической власти, она связана с повиновением. Вполне понятно, что против этой вредной проповеди должны были выступить декабристы, страстные борцы с тиранией самовластия и крепостничества, носители и передовой революционной морали, основанной на высоком гражданском служении родине, народу.

С обстоятельной критикой воззрений Карамзина выступил Н. Муравьев, изложивший свои возражения в рукописи «Мысли об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина». В научной литературе уже давался подробный разбор тех отрывков рукописи, которые были опубликованы¹. Мы остановимся на указанной критике лишь в той мере, в какой она поможет нам выяснить содержание вышеназванных отрывков Рылеева.

В противоположность Карамзину, Н. Муравьев утверждал, что в основе исторического развития лежит борьба противоборствующих сил, а не примирение их: в «нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей»².

Как и Карамзин, Муравьев прибегал к понятию промысла (провидения), но вкладывал в него содержание, противоположное карамзинскому. Если для Карамзина провидение враждебно страстям человека, его порывам и связано с принижением человека, с отрицанием его воли и инициативы, то у Н. Муравьева сам промысл как раз и проявляется в этих «мятежных страстях». **«Страсти, — заявляет Н. Муравьев, — суть необходимые принадлежности и орудия промысла»**³.

Таким образом, понятие промысла у Н. Муравьева лишено мистического значения. Промысл выступает у него как реальная история, в которой активно участвует человек. Промысл раскрывается в «страстях» народов: «не ими ли (страстями) влекутся народы к цели всего человечества?»⁴. В самом этом вопросе уже содержится и ответ. Да, борьба народов с их мятежными

¹ См. Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1933.

² М. Погодин, Н. М. Карамзин, М., 1866, т. II, стр. 200.

³ Там же, стр. 200. (Подчеркнуто мной. — И. Т.).

⁴ Там же, стр. 200.

страстями, направленными против царей, — вот что составляет действительную историю. И именно в ней, в борьбе, и проявляется подлинное движение в истории, ее развитие, прогресс, ибо она вовсе не неизменна во всех веках, как полагал Карамзин.

Н. Муравьев прибегал и к понятию «цели человечества», но также не вкладывал в него ничего иррационального. Как увидим, цель для декабристов — это реальный прогресс, то, что они называли «усовершенствованием». Н. Муравьев, повторяем, убежден в прогрессе, связанном с достижением политической, земной свободы (в ее декабристском понимании). История и должна «пробуждать душевные силы наши и устремлять к тому совершенству, которое суждено на земле»¹.

Выступая против отречения от личной воли, ратуя за активное участие человека в исторической жизни, Н. Муравьев вместе с тем решительно отвергал индивидуализм.

Не может быть, как полагал Карамзин, абсолютно свободных, ничем не ограниченных в своих действиях людей, освященных божественным провидением, ибо «тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему — дополняем то, что сделано, то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий»². Иначе говоря, мы зависим не от мистической, таинственной силы, но от реальной истории, от прошедшего, традиций, реальных обстоятельств. Идея внутренней закономерности и обусловленности исторического развития, хотя и непознанная, — вот что выдвигалось Н. Муравьевым.

В связи с отмеченным находится и морально-этическая позиция Муравьева, резко противоположная той, которую защищали Карамзин и весь консервативный лагерь.

IV

Вопросы морали, нравственного перевоспитания, борьбы с эгоистическими узкословными взглядами имели исключительно важное значение для тех, кто вырос в «среде палачества», над кем тяготел груз привычек и представлений этой среды. Указанные проблемы были оставлены в наследство декабристам еще XVIII веком. Русские просветители XVIII в.³, преодолевая слабые стороны этических учений французских энциклопедистов, исходивших из природы «частного» человека, индивидуума, эго-

¹ М. Погодин. Н. М. Карамзин, М., 1866, т. II, стр. 201.

² Там же, стр. 200.

³ Подробно об этом см. Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. Гослитиздат, М.—Л., 1951 г.

истически замкнутого, вырабатывали свою этику гражданина, патриота, служителя общественного блага.

Эти традиции и были восприняты декабристами, продолжавшими создавать новую этику, связанную с задачами общественного преобразования, воспитания и формирования «воинов-сподвижников», к фаланге которых принадлежал Рылеев. В уставе Союза Благоденствия прямо указывалось на необходимость обращать **«наибольшее внимание на нравственное образование»**¹ с тем, чтобы стать достойным «звания гражданина и добродетельного человека». Это требование выдвигалось в целом ряде выступлений. Член «Вольного общества любителей российской словесности» Кутузов в статье «О причинах благоденствия и величия народов» почти дословно повторял то, что было зафиксировано в уставе Союза Благоденствия: «воспитание должно основываться на нравственности».

Что же должно составлять подлинную нравственность?

Декабристы упорно боролись с сословно-эгоистическими пороками «частного» человека: следует искоренять «предпочтение личных выгод общественным»², ибо «никакая частная цель не может быть справедлива, ежели не согласна с целью блага общего»³. Между тем, к сожалению, консервативное дворянство предпочитает «личные выгоды всем прочим»⁴.

Подлинная или «прямая добродетель» состоит в патриотической деятельности, направленной на то, чтобы исполнять «гражданские обязанности». Эта мысль настойчиво повторяется в декабристских кругах. «Любовь к отечеству есть первая добродетель гражданина»⁵. «Самое благородное, самое моральное чувство в человеке есть любовь к отечеству»⁶.

Выступая против пороков эгоистического человека, крепостника, выдвигая идеал общественного человека, гражданина, ставящего выше всего «общественное благо», декабристы вовсе не призывали к отречению от личной воли, от активного участия в общественной жизни, от деятельности. И в этом случае они — наследники русского просветительства. Еще Яков Козельский, радикальный публицист, ученый, один из просветителей второй половины XVIII века, в книге «Философические предложения»

¹ А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I, изд. 4, СПб, 1908, стр. 569. (Подчеркнуто мной.)

² Устав Союза Благоденствия. А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I, изд. 4, СПб, 1908, стр. 550—551.

³ Там же, стр. 543.

⁴ Там же, стр. 549.

⁵ П. Плетнев. Речь на засед. «Вольного общества», 1822.

⁶ Переводная статья Н. Тургенева «О любви к отечеству». «Утренняя заря», № 3. Труды воспитанников университетского пансиона, М., 1805, стр. 266.

выступал против эгоистической добродетели, основанной на «натуральном законе» Руссо, и требовал «прямой добродетели». Вместе с тем он возражал против тех, кто стремится «умертвить в человеке праведную волю, задушить не повинные его желания и довести его до бесчувственности»¹.

Декабристы решительно выступали против «нравственного квиетизма». «Особенная деятельность будет моею первою добродетелью», говорилось в клятве членов «Общества соединенных славян». Они отвергали все, что ведет к «расслаблению воли» человека, к его унижению. Величие человека должно раскрываться в борьбе, в его «мятежных страстях». Поэтому подлинным высоким искусством будет то, которое приводит не к «изнеживанию чувств», а к укреплению и возвышению «нравственного существа нашего» (устав Союза Благоденствия).

В полном согласии со взглядами других декабристов, Никита Муравьев резко возражал против идеи отречения от личной воли, против нравственности, основанной на слепом повиновении, которую защищал Карамзин. «История, — писал он, — должна ли только мирить нас с несовершенством, должна ли погружать нас в нравственный сон квиетизма. В том ли состоит гражданская добродетель, которую народное бытописание воспламенять обязано?» Нет, оказывается, «не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом: добродетельные праждане должны быть в вечном союзе против заблуждений и пороков». Не должно быть «примирения нашего с несовершенством»².

Все это, конечно, не имеет ничего общего с прокламируемой Карамзиным «государственной нравственностью».

Муравьев высказал одну мысль, которая неоднократно будет встречаться в философско-исторических размышлениях других декабристов, в частности и Рылеева, а именно, что «высшая политика и высшая нравственность — одно и то же»³. В эпоху, современниками которой были декабристы, подлинная нравственность человека и политика монархического государства оказывались в противоречии, ибо эта политика «безнравственна»; следовательно, подлинная добродетель гражданина как раз и состоит в борьбе с политикой тиранического государства. В идеале же, в будущем, когда государство с его политикой придет в соответствие

¹ Я. Козельский. Философические предложения, СПб, 1768, стр. 19.

² М. Погодин. Н. М. Карамзин, М., 1866, т. II, стр. 201. (Подчеркнуто мной).

³ Правда, из этой теоретической формулы могли быть сделаны различные непосредственные практические выводы. Н. Муравьев, например, исходя из этого, отвергает кровопролитие вообще.

с потребностями личности, народа, политика и нравственность, естественно, не будут противоречить друг другу: они совпадут. Это и произойдет, когда завершится «борьба народов и царей».

V

Изложенные взгляды Никиты Муравьева характерны не только для него одного. В основе своей они могут рассматриваться как выражение взглядов на историческое развитие многих деятелей декабристского движения.

Для понимания рылеевских набросков несомненный интерес представляют и взгляды Кюхельбекера. В ряде его сочинений разбросаны отдельные высказывания философско-исторического характера, позволяющие сделать определенные выводы. Так, немало интересующих нас высказываний мы находим в его «Европейских письмах» (они печатались в 1820 г. в «Невском зрителе» и «Соревнователе»).

Для Кюхельбекера, сохранившего связь с русскими просветительскими традициями, также характерна мысль об историческом прогрессе, беспрестанном совершенствовании и развитии человечества. Он устремлен не в прошлое, а в будущее. Примечательна уже сама фантастическая оболочка «Писем», представленных в форме утопии, обращенной в будущее, 26 столетие. Именно с позиций этого будущего, когда уже достигнута свобода, Кюхельбекер судит о настоящем.

Как же представляется Кюхельбекеру история человечества?

«Усовершенствование — цель человека: пути к нему разнообразны до бесконечности (и хвала за то провидению)». «Человечество продвигается вперед¹, — неустанно твердит Кюхельбекер. Понятие «цели человечества» здесь не включает ничего мистического. Ведь цель, с точки зрения Кюхельбекера, — усовершенствование, т. е. бесконечный прогресс. Он связан с идеей свободы, достигаемой в процессе борьбы с деспотизмом, с царями. Человечество развивается, и не подавление «мятежных страстей», слепое подчинение провидению, воплощающемуся в воле законодателя, монарха, составляет основание истории, но беспрестанная борьба противоборствующих сил. «Род человеческий самыми переменами, самыми мнимыми разрушениями зреет и усовершенствуется»². Кюхельбекер не требовал отречения от личной воли человека, его слепого повиновения. Напротив, он утверждал, что настоящему человеку нужны «бури и борьба». Вместе с тем, Кюхельбекер был и против индивидуализма. Так, например, он говорит о поэте — «пророке истин возвышенных», что он «раз-

¹ «Невский зритель», 1820, ч. II, апрель, стр. 41.

² «Соревнователь», 1820, № 2, стр. 275—276.

гадывает тайны провидения». Но это не значит, что поэт абсолютно свободен. Нет. Он сам — лишь орудие исторической необходимости. Он, которому нужны мятежные страсти, «бури и борьба, жизнь и движение», является сам «сосудом той божественной силы, которая обновляет и возрождает человечество».

Как видим, Кюхельбекер также часто пользуется терминами: промысл, провидение, но не вкладывает в них ничего мистического, иррационального. Они получают у него значение все той же исторической необходимости, признаваемой, но не познанной, реально не раскрытой.

Для Кюхельбекера история осуществляется не законодателем, единодержавным монархом, наместником бога на земле. В ней он видит борьбу народов с царями. Эта борьба и составляет ее содержание. Формула Н. Муравьева: «История принадлежит народам», противопоставленная карамзинской: «История принадлежит царю», выражает декабристское, принципиально иное представление об историческом развитии, чем у представителей консервативного лагеря. Декабристы признавали высшими интересами — интересы нации, народа, который не является пассивным орудием монарха, но противостоит ему. В полном противоречии с точкой зрения историографа В. Ф. Раевский говорил о «царе-народе»: «Пора воззвать из мрака век полнотной славы царя-народа». Правда, они не дифференцировали понятие «народ», и сами боялись массового движения, полагая, что «перевороты снизу, от народа опасны»¹. Но они видели и понимали, что настало время, когда зреет

«Тяжелая гроза страстей,
Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей!»²

В процессе этой борьбы и совершенствуется человечество. Гражданин будущего, 26 столетия, эпохи, когда исчезнут рабство и тирания, когда борьба «народов и царей» победоносно закончится торжеством «народов», вспомнит те события, которые двигали вперед человечество по пути «совершенствования», способствовали достижению заветной цели — свободы. Одним из таких событий и является, например, Испанская революция: «Испания в борьбе за свободу и независимость, за священные права народов — великий и назидательный пример для потомства»³.

В конечном итоге, для декабристов история человечества есть история борьбы за «свободу» против самовластия. В этом — подлинный прогресс.

¹ Батеньков, М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, Киев, 1906, стр. 164.

² В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, изд. «Советский писатель», 1939 г., стр. 48, стих. «Прощание», 1820.

³ «Невский зритель», 1820, февраль, стр. 39.

«Века шагают к славной цели —
Я вижу их, — они идут!
Уставы власти устарели:
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.

О радость! Грянул час, веселый час свободы», —

восторженно писал Кюхельбекер¹.

В связи с этим решаются им и морально-этические проблемы. Подлинная добродетель человека — быть гражданином, участвовать в борьбе с самовластьем, приближать осуществление цели человечества — свободы. Как и Никита Муравьев, Кюхельбекер считал, что пока еще нравственность и политика разъединены, ибо подлинная нравственность человека требует борьбы с политической самовластью — в этом состоит «прямая добродетель» гражданина, не забывающего о своих обязанностях. Однако в будущем, после низвержения тирании, когда политика правительства будет соответствовать воле народов, нравственность и политика совпадут, будут тождественны. В «Европейских письмах», где изображается это будущее, автор устами героя-гражданина 26 столетия говорит: «Мы, живя в счастливое время, когда политика и нравственность одно и то же, когда правительства и народы общими силами стремятся к одной цели, мы перестанем жалеть, как некогда жалели некоторые в Европе о золотом Греческом периоде, перестанем жалеть о веках семнадцатом и осьмнадцатом»². Эта мысль относительно необходимости достижения тождества политики и нравственности была и у Н. Муравьева — «Высшая политика и высшая нравственность — одно и то же» (см. выше).

VI

С проблемами, затронутыми выше, волновавшими широкие декабристские круги, имеют несомненную связь и те немногочисленные наброски философско-исторического содержания, которые мы находим среди черновых бумаг Рылеева и которые обычно рассматривают как свидетельство его «религиозно-мистического» взгляда на историю. Некоторые склонны даже усматривать в данном случае известную связь его с французскими реакционными философами эпохи Реставрации (де Местром, Бональдом). Нами уже отмечалось, что для правильного понимания этих набросков их следует рассматривать не изолированно, а в связи с воззрениями современников, на фоне реальной общественно-политической борьбы.

¹ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, изд. «Советский писатель», 1939, стр. 56.

² «Невский зритель», 1820, ч. I, февраль, стр. 45. (Подчеркнуто мной.)

Сопоставляя отрывки и наброски Рыльева с воззрениями других декабристов, можно убедиться, что в целом в них развиваются те же основные положения. Рылеев убежден в бесконечном совершенствовании и поступательном развитии человечества. Его мысль: «Усовершенствование есть цель, к которой стремится человечество»¹, прямо перекликается с аналогичными утверждениями Н. Муравьева, а особенно Кюхельбекера. Рылеев продолжает начатую фразу словами о том, что человечество стремится к совершенствованию «по предназначению промысла». И у Кюхельбекера находим то же самое: «Пути к нему (совершенствованию — И. Т.) разнообразны до бесконечности — хвала за то провидению». Понятие цели человечества у Рыльева (как и у Кюхельбекера и др.) лишено теологического смысла и значения, хотя бы уже по той причине, что ею объявляется само бесконечное развитие. В соответствии с общедекабристской позицией для Рыльева история человечества, его прогресс являются историей достижения свободы, конечно, в ее декабристском понимании. В основу намечавшегося трактата о «судьбе рода человеческого» была положена именно эта идея. Только то, что способствует ее достижению, является подлинно историческим. Законодатели и монархи не определяют исторического развития. В полном согласии с Никитой Муравьевым, Рылеев писал: «Никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его (человечество) на сем пути» (совершенствования)². В этом смысле формула Муравьева — «История принадлежит народам» находит свою аналогию в системе взглядов Рыльева.

«История всех народов, — развивает он далее свою мысль, — служит тому доказательством». Не примирение с существующей деспотической властью, а борьба составляет содержание истории. И не случайно задуманное, но не осуществленное историко-философское сочинение Рыльева должно было заканчиваться раскрытием тезиса: «Борьба народов с царями», тезиса, прямо включенного в стихотворные тексты декабристов.

Характернейшей чертой декабристов, как отмечалось уже выше, является их настойчивое стремление оправдать свою деятельность объективными историческими потребностями.

Декабристы верили в великую силу и возможности человеческого разума. Однако, признавая силу и значение человеческого разума, не порывая с просветительскими традициями, декабристы-романтики вместе с тем приходили к признанию существования более могущественных надъиндивидуальных сил истории, в зависимости от которых находятся, как говорил Рылеев, «деяния» отдельного человека. Здесь нет безграничной веры в мудрото законодателя.

¹ К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 417.

² Там же.

Уже Н. Муравьев указывал, что даже тогда, когда мы действуем, повидимому, совершенно свободно, в действительности «мы повинемся прошедшему», зависим от того, «куда влекут нас происшествия». По существу то же самое мы находим и у Кюхельбекера. Эта мысль о зависимости человека и его поступков от общих исторических закономерностей и связей получает философское развитие у Рылеева в его набросках. «Человек в частности одарен свободю воли, — пишет Рылеев, — он волен делать или не делать то, что внушают ему страсти или рассудок, но его деяния худы или хороши только в отношении к нему... на судьбу же всего человечества они не имеют никакого влияния, особенно когда они не согласованы с видами промысла»¹. Это доказывает, в частности, Рылеев тем, что зачастую намерения и поступки человека противоречат их последствиям и не оказывают никакого влияния на ход человеческой истории. Подтверждение — убийство Брутом Цезаря, не спасшее мир от деспотизма. Значит, для того чтобы действия человека оказали известное влияние на развитие человечества, они не должны противоречить тому, что Рылеев называет промыслом: «Поступай так, — говорит он, — чтобы твои поступки не противоречили воле промысла»², или: «Человек свят, когда (поступает по законам) соглашает поступки свои с делами промысла»³.

Как же следует раскрывать понятия промысл, провидение, которые, как мы видели, характерны не только для одного Рылеева? В самом ли деле в них отражаются религиозно-мистические основы его воззрений? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить то реальное содержание, которое вкладывалось в указанные необычайно широкие понятия.

Известно, что обращение представителей реакции к понятию провидения было связано с переоценкой ими общественно-политических, философских и эстетических идей Просвещения. Реакция решительно отбрасывала то исторически прогрессивное, великое, что было в философии Просвещения. И прежде всего она объявила войну просветительскому разуму, этому подтверждению величия человека, его дерзаний и стремлений.

Идеологи наиболее консервативного крыла французской философии эпохи Реставрации (Бональд, Ж. де Местр), обращаясь к понятиям провидения, промысла, объявляли человека, в противоположность просветителям, порочным по своей природе. Они считали, что все его индивидуальные стремления опасны, губительны и поэтому он должен отречься от своей воли, разума и подчиниться всеблагому божественному началу, провидению. Человек и его

¹ К. Ф. Рылеев, ПСС, стр. 418.

² Там же.

³ Там же, стр. 417.

воля — ничто. Он — лишь слепое орудие, действующее бессознательно.

Таким образом, для представителей религиозно-мистического воззрения характерно признание принципиальной непознаваемости истории, в основе которой находится иррациональное начало. Провидение в таком смысле предполагает самоотречение человека, его слепое, бессознательное, повиновение.

Во всем этом сказывалось стремление принизить человека, подчеркнуть его ничтожество.

Именно так понимали это идеологи западно-европейской реакционной философии эпохи Реставрации. Нечто иное, но близкое вкладывали у нас в это понятие и Карамзин, сохранивший еще связь с рационализмом, и, особенно, Жуковский: «Лучший друг нам в жизни сей — вера в провиденье».

Совершенно иную позицию занимали декабристы, продолжавшие традиции Радищева, русского просвещения XVIII века, утверждавшие величие человека-деятели, патриота, силу и значение разума, передовой, революционной мысли.

Декабристы решительно выступали против мистицизма. Кюхельбекер отрицательно относился к немецким реакционным романтикам, к «императору романтизма» Новалису за то, что он «совершенно утонул в мистических тонкостях» и «не старался быть ясным»¹. Но против этого же выступали, в сущности, все декабристы. Известны слова Рылеева, сказанные о Жуковском: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда прелестны, растлили многих и много зла наделали»². Декабристы требовали ясности мысли. Под «туманом» мистицизма (у Жуковского) не таится **«свет мысли»**, — замечал близкий в то время к декабристским кругам П. А. Вяземский. Кюхельбекер жаловался, что в элегиях «о мыслях и говорить нечего». Бестужев сетовал на отсутствие «творческих мыслей». Рылеев требовал от поэзии «высоких чувств и мыслей». В. Раевский высоко оценивал «деятельность ума». Все они сохранили и в этом отношении связь с просветительством. Радищев писал о человеке:

«Но силен, но велик умом.
Ты мыслию божествен,
Зиждитель и творец!»³

¹ В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, изд. «Советский писатель», 1939 г., стр. XXI.

² К. Ф. Рылеев. Избранное, Гослитиздат, 1946, стр. 146.

³ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, Гослитиздат, М.—Л., 1949, стр. 336—337. (Подчеркнуто мной.)

Это провозглашал и «первый декабрист» В. Ф. Раевский:

«О, смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл твой?

Могущество ума, дух сильный, дар свободы

— Не высят ли тебя превыше тьмы земной?»¹

Для тех, кто признает власть иррационального, мистического провидения, простой смертный никогда не может изменить предначертанного, оставить заметного следа в истории. Для декабристов же человек активен и деятелен, ему нужны «бури и борьба». Как бы полемизируя с Жуковским, который говорил: «Твой век был миг, но миг унылый»², тот же В. Ф. Раевский утверждал: «Твой век есть миг, но миг приметный в тьме веков»³.

Но ведь и Рылеев в своих историко-философских набросках не отвергал «деятельности», «активности» человека, не требовал от него покорного примирения, отречения от своей воли. Человек велик, — утверждал Рылеев, — он способен при определенных условиях оказать влияние на «судьбу человеческую», оставить «миг приметный» в истории. Но все дело в том, какого характера должна быть эта деятельность и при каких условиях она должна осуществляться. Следовательно, для Рылеева, как и для большинства декабристов, «религиозно-мистический фатализм», приписываемый им, в сущности, чужд. Для них промысл — это «естественный ход вещей» (Н. Муравьев), это «природа вещей» (Рылеев), признание исторической закономерности, необходимости, которой следует обосновать свою деятельность. Рылеев в статье «Несколько мыслей о поэзии», написанной примерно тогда же, когда и разбираемые нами наброски и заметки, сопоставлял древнюю и современную драму и указывал, что формы древней драмы были не нарочно выдуманы, а «проистекали из природы вещей, были необходимостью» для того времени.

VII

Одной из особенностей философско-исторических воззрений декабристов, в том числе и Рылеева, являлось то, что они признавали наличие исторической необходимости, исторического закона. Поскольку, однако, ими еще не были раскрыты и познаны подлинные закономерности исторического процесса, не было раскрыто конкретное, реальное содержание этого исторического закона, то последний представал в абстрактной форме промысла. Но промысл,

¹ В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский, изд. АН СССР, Л.—М., 1949, стр. 162. (Подчеркнуто мной.)

² В. А. Жуковский. Стихотворения, изд. «Советский писатель», Л., 1952, стр. 48.

³ «Пушкинский сборник», Ульяновск. 1949, стр. 261. (Подчеркнуто мной.)

В таком случае, — это по существу символ, понятие, которое могло раскрываться по-разному. Те, кто вкладывал в него иррациональное мистическое начало, закрывали пути для подлинного познания истории. Те же, кто был чужд мистицизму, кто вкладывал в это понятие «разумное» содержание, не отвергали ее принципиальной познаваемости и открывали плодотворные пути для последователей. Первыми были представители консервативного лагеря, вторыми — декабристы, романтический историзм которых был шагом на пути к пушкинскому.

Следует заметить, что для реакционных романтиков вообще, прибегавших к понятию провидения в его религиозно-мистическом значении и в особенности для французской реакционной философии эпохи Реставрации (Ж. де Местр, Бональд), с которой делались попытки сопоставить философско-исторические воззрения Рылеева, характерна идеализация средневековья, особенно католицизма. Между тем Рылеев как бы прямо полемизировал с этим, выдвигая резко отрицательный взгляд на западноевропейское средневековье. В заметке «Причина падения власти пап» Рылеев особенно отрицательно оценивал папство и инквизицию за то, что они мешали «свободе и разуму», насаждали суеверия и предрассудки.

«Духовенство, тесно соединенное с папою, также строгая инквизиция, вместо того, чтобы просвещать народ, заводили оный еще в глубочайшие суеверия, безумства и закоснелые предрассудки, составив тем твердый оплот (здесь — в смысле «преграда» — И. Т.) свободе и разуму, зная, что на сем только основывалась их власть»¹.

В другой заметке «Нечто о средних временах» Рылеев также говорил о «суевериях и странных предрассудках», о том, что «монашество из собственных выгод старалось не токмо не вывести народ из того невежества, которое в тогдашние времена между оным царствовало, но погружало оный еще в глубочайшее», что больше всего страшилось духовенство света разума².

Говоря о закономерном, поступательном развитии человечества и роли личности в нем, Рылеев, в силу того, что взгляды его на историю общества в основном носили еще идеалистический характер³, невольно попадал в заколдованный круг отвлеченных категорий. Для того чтобы действия человека оказали влияние на судьбу человечества, необходимо, говорил он, чтобы они «не про-

¹ К. Ф. Рылеев, ПСС, стр. 368.

² Там же, стр. 372.

³ См. И. Я. Щипанов. Воззрения декабристов. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, Государственное издательство политической литературы, М., 1951 г. т. I, стр. 72.

тиворечили воле промысла». «Но спросят: каким образом распознать волю сию?» — спрашивал Рылеев и отвечал: «Воля промысла изъясняется в духе времени». Таким образом: промысл выражается в «духе времени», а «дух времени» сам определяется промыслом.

В задуманном трактате «Дух времени или судьба рода человеческого» Рылеев и предполагал нарисовать историю человечества на различных этапах движения его к свободе, а вместе с тем проследить и соответствующие изменения того, что он называл «духом времени».

Почти все декабристы в своих показаниях во время следствия указывали на «дух времени», как на первопричину их свободолюбия. С. Муравьев-Апостол показал относительно источников революционных идей: «Дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств, вот источники революционных мнений в России»¹. А. Н. Муравьев говорил, что вольнодумством он «заразился от духа времени тогдашнего»². Оболенский на вопрос, откуда зародилось у него свободомыслие, отвечал, что оно «утверждалось и укоренялось духом времени и наблюдением происшествий, ознаменовавших последние годы почти все страны мира (исключая Африки) революциями различного рода»³.

Для Рылеева и других декабристов «дух времени» нового века был «духом преобразования», он был озаглавлен «революционными мыслями», борьбой народов против царей.

Еще в 1819 г. в журнале «Дух журналов» была помещена статья, в которой говорилось о необходимости конституционного строя, под знаменательным заголовком: «Чего требует дух времени? Чего желают народы?» Все дело в том, что «дух времени» — это «дух преобразования», который «взволновал народы».

Для Рылеева и декабристов важнейшей задачей было постичь «дух времен», — дух революционной борьбы против крепостничества, «страданий народных».

«Заплатимте тому презрением холодным,
Кто хладен может быть к страданиям народным,
Старайтесь разгадать цель жизни человека,
Постичь дух времени и назначенье века» —
вдохновенно писал поэт⁴.

Революционная деятельность, борьба против рабства и тирании осознавалась декабристами не как личный произвол, а как

¹ «Восстание декабристов». Центрархив, М.—Л., т. IV, стр. 273.

² Там же, т. III, стр. 8.

³ Там же, т. I, стр. 226.

⁴ К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений, «Библиотека поэта», 1934, стр. 363.

продиктованная «духом времени», силой истории, историческая потребность. Их личное — это только орудие величайшей сверхличной силы. Поэтому в первом же своем показании Рылеев писал: «Открыв откровенно и решительно, что мне известно, я прошу одной милости — пощадить молодых людей, вовлеченных в общество, и вспомнить, что дух времени такая сила, пред которою они не в состоянии были устоять»¹.

Оторванность декабристского героя от широких народных масс, опора его не на реально познанные и раскрытые закономерности исторического процесса, а на промысл, «дух времени» неизбежно определила глубоко трагический характер его героики. Но декабристов никогда не покидал исторический оптимизм, вера в конечное торжество своего идеала. В их готовности к самопожертвованию не заключено ничего мистического, ибо в этом — в соответствии с общим строем декабристского мировоззрения — сознательная готовность борца идти на гибель, веруя в историческую правоту своего дела. Декабристы знали, что они, как полагал Рылеев, должны своим примером «пробудить спящих россиян»².

Примеров такой патриотической готовности к самопожертвованию было немало в отечественной истории у предшественников декабристов, а также в современной им эпохе революций и национально-освободительных движений. В связи с известием об испанской революции Н. Тургенев писал 26 марта 1820 года, что инсургенты «объявили, что, может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но что память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце испанского народа»³.

VIII

В философско-исторических заметках Рылеева, как и других декабристов, размышления общего, отвлеченного порядка были неразрывно связаны с практическими вопросами личного поведения, с морально-этическими проблемами. Так, в упоминавшемся отрывке «О Промысле» «философские» рассуждения об отношении личной воли и необходимости нужны Рылееву не «вообще», а потому, что они подводили его к вопросу о том, что «должно являться нравственным законом для наших деяний»⁴.

¹ «Восстание декабристов». Центрархив, М.—Л., т. I, стр. 152. (Подчеркнуто мной.)

² Воспоминания Бестужевых, изд. АН СССР, ред. М. К. Азодовского, М.—Л., 1951, стр. 7.

³ В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, СПб, 1909 г., стр. 243.

⁴ К. Ф. Рылеев. ПСС. 418.

Нами уже говорилось о значении, которое имели в среде декабристов этические проблемы, о той роли, которую декабристы сыграли в выработке передовой морали, той нравственной чистоты, которая составляет обаяние русской литературы. Исключительно велика здесь роль Рылеева, вместе с другими декабристами решительно выступавшего против «государственной нравственности», основанной на «благоразумии», за которую ратовали Карамзин и его единомышленники¹.

К наброску «О Промысле», в котором мы находим мысль о необходимости своего, декабристски понимаемого «нравственного закона» для своих действий и поступков, непосредственно примыкает небольшой отрывок о нравственности. В нем Рылеев так излагает свое понимание нравственности: «Прежде, — пишет он, — нравственность была опорою свободы, теперь должно ею быть просвещение, которое вместе с тем род человеческий снова должно привести к нравственности. Прежде она была врожденна, человек был добр по природе; с просвещением он будет добр и добродетелен по знанию, по уверенности, что быть таковым для его блага необходимо»².

Для того чтобы понять этот набросок и, в частности, слова о том, что прежде «человек был добр по природе», что нравственность у такого «естественного человека» была «врожденной», но теперь этого не может быть, следует также учесть общую позицию декабристов. Продолжая традиции русских просветителей XVIII века, декабристы критиковали индивидуалистический характер этики буржуазного просвещения, основанной на концепции «натурального закона», «естественной природы».

В основе буржуазного просвещения XVIII века положена идея «частного» человека, для которого главное — личная выгода, личный интерес. Правда, просветители, исходя из предпосылки природной доброты этого человека, не отвергали возможности согласовать его личные интересы с интересами других «робинзонов», но все-таки, главное для него — свой, личный интерес, жертвовать которым он не собирается. «Добродетельный человек не тот, кто жертвует своими привычками и самыми сильными страстями ради

¹ Для Рылеева, как и всех декабристов, вопросы морали имели политический смысл, они неразрывно связывались с общественно-политической практикой. Характерно, что, возражая против предусмотренного проектом конституции Н. Муравьева высокого имущественного ценза, Рылеев выдвигал, по словам Е. Якушкина, следующий аргумент: «...это не согласно с законами нравственными» (см. ст. М. К. Азадовского «Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник». — Воспоминания Бестужевых, 1951, стр. 594).

² К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 417.

общего интереса — такой человек невозможен», — заявлял Гельвеций¹.

Эти слабые стороны просветительной теории критиковали уже деятели русского просвещения XVIII века. Радищев резко восставал против понимания общества как собрания «единственников», Я. Козельский спорил с Руссо, призывавшим возвратиться к «естественному состоянию» и отвергал добродетель, основанную на «натуральном законе». Это же отличает и поэтов-радищевцев, для которых «естественный человек» — это «дикий человек», который «живет сам собою, без всякого отношения к другим, не знает иных законов, кроме законов природы, руководствуется одними токмо естественными побуждениями и сам собою оные удовлетворяет. Следовательно, искать естественного человека в обществе было бы смешно и безрассудно»².

Критическое отношение к буржуазному просветительству Запада и в особенности к естественному человеку — человеку-индивидуалисту присуще и декабристам. Кюхельбекер в «Европейских письмах» говорит о европейцах 19 столетия, что они были «удалены от истинного просвещения, от истинной образованности». «В Европе и купец, воин, гражданский чиновник, духовный презирали и ненавидели взаимно друг друга: они не только не были людьми, но даже не были гражданами»³.

А в другом месте Кюхельбекер прямо заявлял о том, что «просвещение времен Вольтера» в действительности было лишь «мнимым».

Декабристы отвергали мораль «частного человека». «Богатство производит роскошь, развращает нравы и укрепляет умы более к частной выгоде, нежели к общественной выгоде»⁴. Их идеал нравственного человека — гражданин, который жертвует своими личными интересами ради «общего блага».

Именно так и писал Н. Кутузов, полагавший, что настоящий человек — тот, которого отличает «любовь к счастью людей и пожертвование благу общему». А. Никитин, член лож «Избранного Михаила», близкой к Союзу Благоденствия, говорил в своей речи, что «любовь к отечеству и свободе, суть те кумиры его (гражданина), которым он приносит жертвы... Защищая справедливость, он забывает личные свои выгоды и жертвует ими общему благу»⁵.

¹ К. А. Гельвеций. «Об уме». М., ОГИЗ, 1938, стр. 213.

² В. Орлов. Русские просветители 1790—1800 гг., Гослитиздат, 1950, стр. 106 (слова Пнина).

³ «Невский зритель», 1820, ч. II, апрель, стр. 49.

⁴ «Сын отечества», 1820, ч. 59, стр. 17. (Ст. Н. Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов»).

⁵ В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, стр. 97.

Гнедич утверждал, что необходимо «святое пожертвование самим собой для блага людей»¹. Этой концепцией человека и определяется мотив жертвенности у декабристов. Указанные взгляды разделялись всеми декабристами. Многие из них не соглашались с той интерпретацией идеи естественного равенства, которую выдвинул Руссо.

Рылеев в своих заметках и подверг критическому пересмотру слабые стороны этики буржуазных просветителей, основанной на идеале «естественного человека», собственника. «Дикая свобода» человека, который находится в «первобытном состоянии», не идеализируется им, ибо она ведет, как показала история, только к деспотизму. В плане трактата «Дух времени или судьба рода человеческого» эта мысль ясно проведена уже в следующих тезисах:

«I. Человек от дикой свободы стремится к деспотизму, невежество причиною тому.

1. Первобытное состояние людей. Дикая свобода.

2. Покушения деспотизма...»

Эта же мысль разъясняется и в отрывке о нравственности. Нравственность врожденная, стихийная, так сказать, могла быть «опорою» лишь «дикой свободы» естественного человека, находящегося еще в «первобытном состоянии».

В этом смысле «естественный человек», т. е. дикий, первобытный был «добр по природе». Но в гражданском современном обществе понятия этого «естественного» человека с его «дикой» индивидуалистической свободой не подходят. Необходима иная нравственность — нравственность не «естественного», эгоистического человека, доброта которого ограничивается лишь пределами **своей** «дикой» свободы, а нравственность гражданина, сознательно вырабатывающего свою общественную мораль. Он должен быть «добр и добродетелен» не просто по природе, но «по знанию, по уверенности, что быть таковым для его блага необходимо»².

Для Рылеева такая сознательная, общественная мораль связана с исполнением гражданского долга, со способностью жертвовать своими «частными» интересами во имя «общественного блага». Он решительный враг индивидуализма. Поэтому и Наполеон не мог быть героем Рылеева. Среди его набросков и заметок мы находим и суждения о Наполеоне, к которому он относился с резким осуждением, так как Наполеон преследовал всегда только свои эгоистические цели. «Тебе все средства были равны, — пишет Рылеев, — лишь бы они вели прямо к цели... Добродетели и пороки, добро и зло в твоих глазах не имели другого различия, какое имеют между собой цвета, каждый хорош, когда в меру. Ты ста-

¹ «Соревнователь», 1821, ч. XV, стр. 144.

² К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 417.

рался быть превыше добродетелей и пороков»¹. Это и есть философия индивидуалиста.

Рылеев же формулировал иной «нравственный закон»: человек не может быть индивидуалистически свободен, — он должен поступать так, как велит промысл, «изъявляющийся в духе времени», т. е. выполнить общественный долг — включиться в борьбу против самовластья. Такой человек, посвящающий себя борьбе с тиранией, во имя «страданий народных» — «свят». «Он веровал, что если человек действует не для себя, а на пользу ближних и убежден в правоте своего дела, то значит само провидение им руководит. Это мнение частью делили с ним многие из нас», — писал А. Бестужев².

Как и Н. Муравьев, а особенно Кюхельбекер, Рылеев в своих планах и набросках говорит о взаимоотношении политики и нравственности. Как указывалось выше, для Муравьева и Кюхельбекера «высшая нравственность и высшая политика» тождественны. Кюхельбекер писал о том, что в счастливом будущем, когда народы и правительства будут стремиться к одной цели, «политика и нравственность станет одно и то же», они совпадут: политика правительства не будет противоречить потребности человека, воле народа.

Эта же мысль, что с появлением деспотизма нравственность и политика разъединяются, а с его уничтожением сливаются, достаточно отчетливо изложена Рылеевым в плане его историко-философского трактата «Дух времени или судьба рода человеческого». После первого пункта, где говорится о первобытном состоянии людей с их дикой свободой, следует новый пункт, который гласит: **«Покушения деспотизма. Разделение политики, нравственности и религии»**³. Иначе говоря, с появлением деспотического государства происходит разделение политики и нравственности. А в последнем пункте второй части плана значится: **«Борьба народов с царями. Начало соединения религии, нравственности и политики»**⁴. Это тот итог, к которому пришло человечество ко времени Рылеева. Для того чтобы это «начало соединения» успешно завершилось, нужно, чтобы успешно завершилась и борьба народов с царями. «Прямая добродетель» гражданина — способствовать этому, активно участвовать в борьбе с тиранией. В этом и заключается подлинная нравственность.

Характеризуя русскую литературу и тот вклад, который внесли в нее декабристы, Н. П. Огарев особенно подчеркивал, что благодаря им отныне «мысль общественного освобождения никогда

¹ К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 417. (Подчеркнуто мной.)

² Цит. Н. Котляревский, кн. Одоевский и А. Бестужев, СПб, 1907, стр. 408.

³ К. Ф. Рылеев. ПСС, стр. 412. (Подчеркнуто мной.)

⁴ Там же. (Подчеркнуто мной.)

не переставала быть однозначащею с нравственной чистотой человека»¹.

Наиболее полно из всех декабристских поэтов эта особенность нашла свое выражение в творчестве Рылеева. И именно она — «нравственная чистота Рылеева дает его произведениям силу, которая, по словам Огарева, охватывает читателя не меньше, чем самая до тонкости доведенная художественная отделка»².

¹ Предисловие к сб. «Русская потаенная литература». Н. П. Огарев, «Стихотворения и поэмы», т. I, «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1937, стр. 315.

² Там же, стр. 316—317.

И. А. ФРЕНКЕЛЬ,
доцент, кандидат педагогических наук

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ К. Д. УШИНСКОГО

Идейное наследие великого русского педагога К. Д. Ушинского привлекало внимание исследователей и критиков и дореволюционного периода. Однако в дореволюционной литературе мы не находим сколько-нибудь значительных работ, посвященных исследованию педагогических и психологических высказываний Ушинского. По вопросу о сущности его философских воззрений были высказаны различными критиками противоречивые мнения, в большинстве случаев путанные и бессодержательные. Одни критики рассматривали Ушинского как материалиста, другие — как «пламенного идеалиста», а третьи характеризовали его как беспринципного эклектика или дуалиста.

Только в советский период достигнуты серьезные успехи в изучении педагогических трудов Ушинского. Однако следует сказать, что вопрос о сущности его философских воззрений остался неразрешенным и в настоящее время, о чем свидетельствует крайняя разноречивость высказываний советских авторов по данному вопросу.

Одни советские авторы, признавая наличие в мировоззрении Ушинского элементов материализма, приходят, однако, к выводу, что великий русский педагог был и остался в основном идеалистом, дуалистом или эклектиком. Другие авторы, наоборот, выдвигают на первый план материализм Ушинского, отмечая лишь его непоследовательность. Ряд исследователей занимает промежуточную позицию в оценке сущности философии Ушинского. Высказано также мнение, что он является глубоким диалектиком, но идеалистом.

И. А. Арямов считает, что Ушинский сохранил психофизическую точку зрения в течение всей своей жизни и что, кроме

того, он был эклектиком, который «пытался искать обоснования для своей «фактической» теории в философских работах всех направлений»¹.

Согласно Б. Г. Ананьеву, Ушинский «подчас принимает декартовскую концепцию сознания..., а в ряде случаев становится на позиции субстанциональности души»². Мысль об эклектизме Ушинского обосновывает Т. Тажибаев, утверждая, что великий русский педагог «без всякого стеснения заимствует у философов, педагогов и психологов все, что кажется ему правильным». Далее Т. Тажибаев заявляет, что Ушинский, будучи эклектиком и дуалистом, разрешал психофизическую проблему «в духе психофизического параллелизма и психофизического взаимодействия»³.

К совершенно противоположным выводам о сущности философских воззрений Ушинского пришли Н. К. Гончаров, Д. О. Лордкипанидзе и некоторые другие советские исследователи. Н. К. Гончаров утверждает, что «за дуализмом Ушинского надо видеть его материалистические взгляды на духовные проявления человеческой личности». Н. К. Гончаров, повидимому, склонен рассматривать Ушинского как сознательного материалиста, правда, не всегда последовательного. «...Вряд ли можно утверждать, — пишет Н. К. Гончаров, — что Ушинский был в ряде вопросов стихийным материалистом, оставаясь в общем на идеалистических позициях». С точки зрения Н. К. Гончарова, нет основания для того, чтобы материалистическую концепцию Ушинского рассматривать как «повторение сенсуалистической точки зрения Локка». И психологические воззрения Ушинского представляют собой «огромный шаг вперед в развитии психологии на научных материалистических основах»⁴.

В своей оценке философских воззрений Ушинского Д. О. Лордкипанидзе идет дальше всех других советских исследователей, сближая эти воззрения с классической русской философией, а в отдельных случаях даже с диалектическим материализмом. По утверждению Д. О. Лордкипанидзе, «Ушинский в основном критиковал вульгарный материализм с позиций более развитого материализма». Что именно подразумевает автор, говоря о более развитом материализме Ушинского, нетрудно заключить из следующих высказываний. Ушинский является «крупным философом, по праву занявшим видное место среди представителей русской классической философии 60-х гг. XIX в.». Развивая эту мысль, Д. О. Лордкипанидзе высказывает мнение, что «именно эта «солидная материалистическая традиция» (слова В. И. Ленина. — И. Ф.)

¹ См. ж. «Советская педагогика», 1945, № 9, стр. 2, 4, 9.

² Там же, 1945, № 12, стр. 101.

³ См. Т. Тажибаев. Психология и педагогическая психология К. Д. Ушинского, 1948, стр. 39—40, 48, 75, 101.

⁴ Н. К. Гончаров. Основы педагогики, 1947, стр. 177, 186.

и является той основой, на которой построена прогрессивно-демократическая педагогическая система Ушинского»¹. Д. О. Лордкипанидзе, кроме того, находит некоторые общие черты между философскими воззрениями Ушинского и высказываниями основоположников марксизма-ленинизма по отдельным философским проблемам².

Иную точку зрения защищает К. Н. Корнилов по интересующему нас вопросу. «Будучи в основном идеалистом в своих воззрениях, — пишет К. Н. Корнилов, — Ушинский в то же время является глубоким диалектиком». Как подчеркивает К. Н. Корнилов, положительное содержание психолого-педагогической системы Ушинского обусловлено именно глубокой диалектикой³.

Следует отметить, что одни и те же советские исследователи высказывали различные точки зрения по вопросу о сущности философских воззрений Ушинского. Е. Н. Медынский утверждал, что Ушинский является «ярким идеалистом», который «берет идеалистические стороны учения Канта, отбрасывая те элементы материализма, которые имелись у последнего»⁴. В другой своей работе Е. Н. Медынский говорит, что «в мировоззрении Ушинского имелось много элементов материализма и в некоторых вопросах он становился на диалектические позиции»⁵. В своей «Истории педагогики» Е. Н. Медынский вновь подчеркивает, что «в основном он (Ушинский) все же является идеалистом», разрешающим основной философский вопрос «о соотношении бытия и сознания» в духе идеализма⁶. В одной из своих статей Е. Н. Медынский пишет, что «можно говорить лишь о материалистических чертах в педагогической системе Ушинского, не превращая Ушинского в материалиста». Автор добавляет, что Ушинский разрешает многие вопросы «натурфилософии» и гносеологии «с точки зрения дуализма», агностицизма, позитивизма и т. д.»⁷.

Один из наиболее глубоких исследователей Ушинского В. Я. Струминский также высказал противоречащие друг другу взгляды об Ушинском-философе. Вопросы «низшей» сферы духовной жизни Ушинский разрешал, согласно В. Я. Струминскому, в духе опытной психологии, в то время как проблему «духовной» жизни великий русский педагог разрешал на основе объективного идеализ-

¹ Д. О. Лордкипанидзе. Педагогическое учение К. Д. Ушинского, 1950, стр. 23, 11, 54.

² См. Цигир. произв., стр. 21, 49—50 и др.

³ «Ученые записки» Московского педин-та имени В. И. Ленина, 1946, т. XXXIII, стр. 29—30.

⁴ Е. Н. Медынский. История русской педагогики, 1936, стр. 188—189.

⁵ «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 14.

⁶ Е. Н. Медынский. История педагогики, 1947, стр. 394.

⁷ См. статью Е. Н. Медынского в «Сочинениях» К. Д. Ушинского, т. I, стр. 29, 34.

ма Гегеля¹. Однако тот же автор в другой своей статье заявляет, что «Ушинский безотговорочно высказался за методологию материализма как в психологии, так и педагогике»².

В. Я. Струминский высказал впоследствии совершенно другой взгляд, согласно которому Ушинский только «шел в направлении к материализму... и положил начало материалистической разработке проблем психологии и педагогики». Причем, как подчеркивает В. Я. Струминский, Ушинский боролся со всякой метафизикой — идеалистической и материалистической³.

Из нашего краткого обзора становится ясно, насколько противоречивы точки зрения, высказанные различными советскими авторами о сущности философских воззрений Ушинского. Надо добавить, что опубликованные за последние годы работы об Ушинском также содержат элементы противоречивости.

Факт столь резкой разноречивости точек зрения свидетельствует о трудности исследования и решения вопроса о сущности философских воззрений Ушинского. Осознавая трудность и вместе с тем крайнюю актуальность поставленной задачи, попытаемся разрешить вопрос о философских основах психолого-педагогического учения К. Д. Ушинского. В виду обширности темы мы ограничиваем свою задачу более или менее развернутой характеристикой философии Ушинского на последнем этапе ее развития (60-е годы), освещая вопрос об эволюции философских воззрений великого русского педагога в самых общих чертах.

Объективный идеализм — это методологическая основа, исходя из которой Ушинский разрешал общеполософские проблемы в первые годы его литературно-научной деятельности. Ушинский защищает принцип бесконечного процесса развития действительности от одной (низшей), к другой (высшей) ступени. Но это положение Ушинский обосновывает с позиций объективного идеализма (провиденциализма). Согласно Ушинскому, весь земной шар распадается на части, в каждой из которых «скрывается мысль», вложенная «самим провидением». «Провидение выразило эту мысль в гигантских и вечных письменах природы... Первым произведением этой выраженной мысли является растительность... вторым — животные... третьим — общества»⁴.

Когда Ушинский говорит о бесконечном процессе развития действительности, он имеет в виду процесс саморазвития разума, объективной идеи, являющейся началом и источником всего су-

¹ См. статью В. Я. Струминского в «Избр. произв.» К. Д. Ушинского, 1939, т. I, стр. 47—49.

² В. Я. Струминский, «К. Д. Ушинский», 1943, стр. 63.

³ См. статью В. Я. Струминского в «Избр. произв.» Ушинского, вып. 4-й, кн. 1, 1946, стр. 6, 8.

⁴ К. Д. Ушинский. Соч., т. I, стр. 176 («О камеральном образовании», 1948).

щего. Ушинский фактически отрицает развитие природы во времени и, в частности, развитие органических форм. «Животное, каким родится, вырастает и умирает; роды животных, какими созданы, такими живут и исчезают». Только один человек обладает способностью к бесконечному развитию и совершенствованию. «Причина такого совершенствования, — разъясняет Ушинский, — лежит не вне человека, но вложена творцом в самый дух его...» Однако следует заметить, что, согласно Ушинскому, развитие человека возможно лишь в обществе, точно так же, как само общество есть результат развития индивидуума¹.

Таковы в главных своих чертах общеполитические воззрения Ушинского на первом этапе его идейного развития.

В 60-е годы мировоззрение Ушинского резко изменилось во многих отношениях.

При анализе и оценке философских воззрений Ушинского следует прежде всего разрешить вопрос об отношении великого русского педагога к основным направлениям в философии — материализму и идеализму. Русские идеалисты 50-х—60-х годов выступали с декларативными заявлениями о том, что они против «односторонних» систем идеализма и материализма. Однако идеалисты фактически стремились возродить самые реакционные философские системы догегелевского периода. Н. Г. Чернышевский, отмечая это стремление идеалистов, говорил, что они только «воображают себя строителями всеобъемлющих теорий», фактически возрождая давно разрушенные Гегелем метафизические системы². Причем, что особенно характерно для идейной борьбы того периода, все идеалисты решительно выступали против дуализма Декарта, пытаясь доказать, что тело, материя есть производное от духа, души.

Ушинский также характеризует материализм и идеализм как «односторонние» философские системы; ряд высказываний Ушинского по этому вопросу по своей форме напоминает соответствующие высказывания идеалистов. Однако Ушинский приходит к совершенно иному выводу, чем идеалисты в вопросе о значении и перспективах развития каждой из этих систем. Имеются все основания для утверждения, что в этом плане оказал на Ушинского большое влияние знаменитый философский труд Герцена «Письма об изучении природы».

Герцен критикует идеализм, а также и материализм, имея в виду вульгарный и механистический материализм. Критика Герценом материализма ставит своей целью устранение его недостатков, идеализм же Герцен целиком отвергает как антинаучное мировоззрение. Об этом свидетельствуют высказывания Герцена, что «идеализм собственно для естествознания ничего не сделал»,

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. I, стр. 63, 64.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., 1949, т. II, стр. 125.

что «идеализм стремился уничтожить вещественное бытие». Как указывает Герцен, и материализм (механистический) также «односторонен», поскольку он отрицает все «невещественное». Но материализм имеет, согласно Герцену, великое значение для жизни, практики; будущее принадлежит материализму, который «как слон, тихо ступает вперед, зато уже ступит хорошо»¹.

Такой в основном точки зрения придерживался Ушинский на втором этапе своего идейного развития. Он резко осуждает идеализм и, в частности, идеализм Гегеля и Шопенгауэра за признание духа, воли первопричиной мира. Гегель, говорит Ушинский, «видит в мире всемогуще развивающуюся идею..., не знающую пределов и препятствий», отрицая значение естественных наук. Точка зрения Шопенгауэра столь же порочна, так как он считает, что «воля является как нечто вполне первоначальное», а «тело является только видимостью, объективированием воли»².

Критикуя идеалистическую теорию познания, Ушинский говорит, что идеалисты выводят «все знания человека из чистого самозерцания души»³. Несколько ниже мы приведем высказывания Ушинского об огромном значении материализма для развития науки и жизни.

Однако, правильно критикуя вульгарный материализм, Ушинский не понял того, что русская классическая философия резко отличается от вульгарного материализма. Диалектического материализма Ушинский не знал. Этим и объясняется упрек, брошенный им в адрес материализма, который якобы отрицает «самое существование психических явлений», сведя их к одним количественным изменениям материи.

Ушинский возражает против теории «постепенности» развития явлений, согласно которой более сложные явления (психика, жизнь) отличаются от простых лишь количественно, а не качественно. Между тем сам Ушинский считает, что только в неорганической природе происходит «беспорядочная борьба» «физических элементов», в то время как в органической природе, а равно в деятельности «духа», «мы не видим скачков и внезапных случайностей». Характерной особенностью «органического развития» является отсутствие борьбы, гармоничность и «постепенность»⁴. Но в этом эволюционном процессе, исключая диалектические скачки, каким-то неведомым науке образом возникают, по мнению Ушинского, новые качества.

Критикуя «атомистические» и «физические» теории материи и движения, Ушинский высказал некоторые правильные положе-

¹ А. И. Герцен. Избр. фил. произв., т. I, 1946, стр. 94, 253, 255, 118.

² К. Д. Ушинский. Соч., т. 9, стр. 44, 47.

³ Там же, т. 8, стр. 522.

⁴ Там же, т. 3, стр. 359.

ния. Он признает, что движение есть неотъемлемое свойство материи. Однако, по мнению Ушинского, материи присущи одни только физико-химические формы движения; существуют только два вида движения: «массивное», заметное для органов чувств, и «молекулярное», «скрытое». Согласно Ушинскому, «движение... есть перемена места». Нет ничего удивительного в том, что Ушинский, при таком понимании сущности движения, вынужден был поставить и признать неразрешимыми следующие вопросы: «Откуда же начало явлений, откуда перемена их, откуда собственно то движение, которое мы и называем явлением?». «Словом, — резюмирует Ушинский, — нужен был снова агент, приводящий тела в движение, — причина начала явлений, продолжение которых могло уже зависеть от самого свойства тел»¹.

Ушинский применяет метафизические гипотезы, не находя ответа в науке на поставленные вопросы. Кстати сказать, сам Ушинский признал, что при необходимости «вдаваться в метафизику» он «выбирал ту гипотезу, которая не противоречит коренным религиозным верованиям человечества»². Причину «начала явлений», «перемены их», т. е. качественного изменения этих явлений нельзя, по мнению Ушинского, объяснить свойствами материй. Необходимо поэтому допустить мысль о существовании гипотетического «агента», определяющего «первый толчок» — начало движения материи вообще и переход от одной формы движения к другой, качественно отличающейся от первой. Но раз уже возникла данная форма движения материи, то дальнейшее ее развитие «могло уже зависеть от самого свойства тел», не нуждаясь больше в непосредственном вмешательстве со стороны этого «агента».

Ясно, что эта точка зрения содержит в себе противоречивые моменты. С одной стороны, Ушинский отстаивает принцип единства материи и движения, возражая против попыток идеалистов отделить силу (движение) от материи. Многие высказывания Ушинского не оставляют никакого сомнения в том, что он признает существование объективных материальных закономерностей, определяющих бесконечное развитие действительности, которое, как сказано, приводит к образованию новых качеств. Следовательно, эта точка зрения включает в себе и элементы диалектического развития. Но, с другой стороны, Ушинский не считал возможным говорить о процессе самодвижения материи, никогда не нуждающемся во внешнем источнике, внешней двигательной силе. Ушинский, наоборот, подчеркивал, что «начало» явлений и их «перемена» осуществляются именно под воздействием внешней двигательной силы.

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 517, 535, 536, 551, 552.

² Ж. «Педагогический сборник», 1864, октябрь, кн. I, стр. 2.

Решение Ушинским вопроса о закономерности развития органических форм подтверждает тот вывод, что его мировоззрение включает в себя как научно-материалистические, так и метафизически-идеалистические элементы. В отличие от всех русских идеалистов, боровшихся против дарвинизма, Ушинский высоко оценивал эволюционную теорию Дарвина, считая, что органический мир развивается бесконечно по присущим ему естественным законам. Ушинский не отрицает того, что «организмы сами собой возникали из неорганических материй и растительные организмы сами собой преобразовались в животные», т. е. он признает, что развитие органической природы происходит по естественным законам без непосредственного вмешательства какой-либо внешней для природы творческой силы. Но в то же время Ушинский стремился согласовать в какой-то мере эволюционную теорию с библейской легендой «о произведении животных землею по слову божью», утверждая, что «после периода создания первых организмов они беспрестанно видоизменялись»¹.

Ссылка Ушинского на библейскую легенду не означает признания им непосредственного акта творения организмов, осуществленного богом. Однако Ушинский ясно подчеркивает наличие неизвестных науке первичных причин, определивших те материальные закономерности, которые действуют в природе и обуславливают ход ее развития. Эти первичные причины и определяют «начало» и «перемену» явлений. Вот почему Ушинский говорит о возможности познания причин явлений, но в то же время высказывает мнение о «непостижимости» некоторых причин². Именно первичные причины недоступны человеческому познанию.

Ушинский был религиозным человеком, стоявшим на позиции деизма. Кстати сказать, многие прогрессивные мыслители того времени, так же, как и Ушинский, обосновывали свои материалистические воззрения на развитие природы деистическими аргументами. Ламарк, например, говорит, что бог создал «неизвестный нам порядок вещей», но что он больше не занимался «деталью всех частных созиданий, всех изменений..., какие вообще имеют место в существующих вещах»³. Дарвин, как и Ушинский, указывал на существование первичных и вторичных причин, подчеркивая, что к первичным причинам относятся законы, запечатленные творцом в материи⁴.

Переходя к решению психологических проблем, Ушинский также использует принцип действия «нового агента». Он часто говорит о душе животных и человека, о духе, присущем одному только человеку, желая подчеркнуть качественное различие пси-

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 217—218.

² Там же, т. 9, стр. 376—377; т. 8, стр. 590—591.

³ Ламарк. Философия зоологии, т. I, 1935, стр. 58—67.

⁴ Дарвин. Происхождение видов..., 1937, стр. 721.

хических явлений от биологических процессов, с одной стороны, и качественные особенности, отличающие человеческое сознание от психики животных, — с другой. Согласно Ушинскому, ощущение есть продукт превращения физиологических процессов, происходящих в мозгу, в психическое явление; но наука, по крайней мере на данном этапе ее развития, не в состоянии разрешить вопрос, каким образом происходит качественное превращение нервной деятельности, являющейся материальной деятельностью материального органа — мозга, в чисто психическое явление — ощущение, сознание, дух. Отсюда и вывод: «Здесь мы встречаемся с каким-то новым агентом, который не поддается физиологическому наблюдению»¹. Таким новым агентом выступает душа животных и человека, которая превращает «нервные впечатления» в явления сознания, у человека же «дух» преобразует «психо-физические явления» сознания в «духовные» явления.

«В том-то и вопрос, каким образом физическое движение нервов превращается в психическое ощущение», — выражает свое недоумение Ушинский, не сомневаясь, однако, в «переходе нервного движения или состояния нервов в ощущение»². От изучения мозга — его строения и деятельности — «ожидают решения самых существенных вопросов жизни, имеющих важное значение не только для физиолога, но и для психолога, медика и педагога», — пишет Ушинский, подчеркивая, что мозг является органом психики. Ушинский говорит, что наука «угадывает в нем (мозге) причину множества разнообразных жизненных явлений». Великий русский педагог выражает свое глубокое сожаление о том, что еще не удалось «связать категорически причину со следствиями», т. е. нет еще достаточно убедительных, научно обоснованных доказательств, подтверждающих факт превращения нервной энергии мозга в новое качество — ощущение — без участия особого фактора, неизвестного науке.

Не только ощущение, но и все явления «сознания», к которому Ушинский относит процессы познавательной деятельности, включая и «рассудок», есть продукт преобразования нервной энергии мозга, возникающей под влиянием внешних раздражителей, в психическое. «Сознание» Ушинский рассматривает как «психо-физический» процесс, в котором «выражаются свойства обоих агентов: материи и души». Характерно для философско-психологической концепции Ушинского наличие известной противоречивости в определении сущности сознания. Ушинский пишет: «Сознание есть свойство души, которое не может принадлежать ничему материальному, но которое начинает проявляться только при воздействии на душу внешнего для нее мира». Но тут же, уточняя сказанное, Ушинский разъясняет, что «сознание есть акт психофи-

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 289.

² Там же, т. 8, стр. 284—286.

зический, не принадлежащий отдельно ни материи, ни душе, но вызываемый в душе впечатлениями внешнего мира на нервный организм»¹.

Нетрудно выделить основное и главное в высказываниях Ушинского о сущности сознания. Сознание не есть изначальное свойство души, а представляет собой процесс, возникающий только тогда, когда внешний мир действует через органы чувств на мозг человека. Ушинский считает, что «впечатления внешнего мира», действующие на «нервный организм», являются источником познания.

Объективный мир в основном определяет содержание сознания. Даже воображение, создающее фантастические образы, имеет своим источником ту же объективную действительность: «Каждая черта» этих образов «взята из природы», и «только соединение этих черт принадлежит воображению человека»². Самый сложный процесс сознания — рассудок (мышление) образует понятия на основе ощущений, вызываемых внешними впечатлениями. Следует иметь в виду, что, согласно Ушинскому, животное также обладает сознанием и, в частности, рассудком, оно «также наблюдает явления и делает опыты, составляет из них понятия, суждения и умозаключения...»³. Больше того, и духовные явления, имеющие место только у человека, возникают и развиваются на основе опыта и внешних впечатлений.

Деятельность духа проявляется, по мнению Ушинского, в самосознании, рефлексии; но Ушинский убежден в том, что «идеи извлекаются нами из сознательных процессов, из опыта и наблюдений»⁴. И далее: «ощущения наши... и следы этих ощущений, сохраняемые нервным организмом в форме привычек и воспоминаний..., — вот что составляет необходимую пищу духовного организма»... Причем Ушинский подчеркивает, что эту истину убедительно доказал «современный материализм»⁵.

Материалистически-сенсуалистический характер этих высказываний Ушинского не подлежит сомнению. Этот взгляд на сущность человеческого сознания соответствует утверждению великого русского педагога о том, что материя (движение материи) является причиной ощущений, из которых образуются все сложные психические процессы. Но было бы неправильно замалчивать моменты субъективизма, присущие теории познания Ушинского. Отвергнув идеализм как мировоззрение, указывая на несостоятельность идеалистической теории познания, Ушинский утверждает, однако, что «дух» человека «перерабатывает» «опыт,

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 631.

² Там же, т. 8, стр. 404.

³ Там же, т. 8, стр. 637.

⁴ Там же, т. 8, стр. 629.

⁵ Там же, т. 3, стр. 360—361.

даваемый внешней природой в неорганическом беспорядке, в органические явления, по законам своей духовной, органической природы»¹. Следовательно, «дух» человеческий вносит в процесс познания, содержание которого в основном определяется воздействием объективного мира на мозг, что-то новое, вытекающее из прирожденных этому духу свойств.

Используя дуалистическую терминологию, Ушинский нередко высказывает мысли, по своей форме не отличающиеся от субъективно-идеалистических взглядов на сущность сознания. Необходимо, в частности, указать, что, согласно Ушинскому, все разнообразные цвета суть создания нашей души. При этом Ушинский ссылается на идеалистическую теорию специфической энергии органов чувств, созданную И. Мюллером. Ушинский, правда, тут же отмежевывается от субъективно-идеалистической теории познания: «Это не есть уже скептическая теория Беркли и Юма..., теория, превращающая весь мир в идеи и ощущения...»². Тем не менее нельзя отрицать, что в теории познания Ушинского имеют место также элементы субъективизма.

Характеризуя сущность теории познания Аристотеля, В. И. Ленин писал: «У Аристотеля **везде** объективная логика **смешивается** с субъективной и так широм, что **везде** **видна** объективная. Нет сомнения в объективности познания»³. Эта характеристика должна служить исходным пунктом при анализе и оценке высказываний Ушинского по вопросам теории познания: и в этой теории объективная логика смешивается с субъективной, но таким образом, что **везде** **видна** объективная логика. У Ушинского действительно нет сомнения в объективности познания.

Все недостатки субъективизма, присущие теории познания Ушинского, были обусловлены тем, что он не мог подняться до понимания диалектического характера процесса познания. Ушинский не видел закономерностей диалектического перехода от материи к ощущению и от последнего к мысли, понятию. Именно поэтому Ушинский вынужден был прибегнуть к помощи гипотез о душе и духе. Ушинский, как известно, одобрительно отзывается о дуалистической теории Декарта, все это дало основание многим советским исследователям рассматривать Ушинского как дуалиста школы Декарта и подчеркивать эклектический характер философских воззрений великого русского педагога. Однако такое заключение не соответствует действительности.

Если Декарт говорит, что «душа должна быть специально создана» и что она находится в определенной части материального мозга⁴, то Ушинский заявляет: «Смешно было бы рассуж-

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 3, стр. 362.

² Там же, т. 8, стр. 106.

³ В. И. Ленин. Филос. тетради, 1934, стр. 332.

⁴ Декарт. Рассуждение о методе, 1925, стр. 93.

дать о месте, где находится это существо (душа), если оно само есть только гипотеза». Ушинский при этом высказывает мысль, что это гипотетическое «существо» «неразрывно связано с нервным организмом: с ним может быть рождается, с ним может быть умирает»¹.

Ушинский считает, что душа есть явление природное, естественное, а не сверхестественное. Показательно в этом отношении следующее утверждение Ушинского. «Факт показывает нам душу как особый принцип движений в сфере движений мировых...»². Называя душу «особым существом», Ушинский уточняет свою мысль: это существо «может быть и материальное, но не принадлежащее к числу тех материй, которые мы до сих пор наблюдать можем...». Он идет еще дальше, утверждая, что «напрасно мы признаем какое-то особое существо — жизнь, что это чувствующее существо и есть сам нервный организм животного». Необходимость же на современном этапе развития науки сохранить понятие «душа» диктуется тем, что «нервный организм, насколько он раскрыт этими науками (т. е. анатомией, физиологией, химией — И. Ф.), ничего ощущать не может»³.

Ушинский говорит, что употребляемые им термины «душа», «дух» суть только «собираательные имена», обозначающие различные категории психических явлений: душа — собирательное имя психических явлений, присущих как человеку, так и животным. «...Слову «дух», не пускаясь в философские умозрения, мы придадим, в отличие от слова «душа», только значение собирательного имени для всех психических явлений, свойственных одному человеку»⁴.

Несомненно, что мировоззрение Ушинского противоречиво; оно формировалось в условиях ожесточенной идейной борьбы материализма против идеализма, отражавшей классово-политическую борьбу, происходившую между двумя лагерями — революционно-демократическим и либерально-крепостническим. В эпоху 40-х—60-х гг. прошлого века кризис феодально-крепостнического строя в России достиг высшего своего уровня, противоречия между старыми производственными отношениями и характером производительных сил общества до крайности обострились. Самым замечательным явлением в идейной жизни России является победное шествие революционно-демократической идеологии, оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие всех областей научных знаний.

Гениальные слова В. И. Ленина: «Противоречия во взглядах

¹ «Педагогический сборник», 1864, кн. 2, стр. 115.

² К. Д. Ушинский. Соч., т. 9, стр. 554.

³ «Педагогический сборник», 1864, кн. 2, стр. 114, 116.

⁴ К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 282—283.

Толстого — не противоречия его только личной мысли...»¹, раскрывают существенные особенности мировоззрения Ушинского.

Противоречивость во взглядах Ушинского проявилась в его эволюции от объективного идеализма к мировоззрению, принципы которого во многих отношениях противоположны принципам идеализма. На первом этапе своего идейного развития Ушинский разрешал вопросы натурфилософии, гносеологии, истории, педагогики и психологии в духе последовательного объективного идеализма. Но Ушинский и в этот период придерживался демократических взглядов, выступал как убежденный демократ-просветитель, поставивший своей основной целью служить своему народу, трудиться на благо своей любимой родины.

Мировоззрение Ушинского и в 60-е годы характеризуется противоречивостью своих принципов. Борьба принципов науки и религии является одной из существеннейших особенностей философских воззрений великого русского педагога. Сложность и трудность анализа и оценки сущности этих воззрений обусловлены тем, что, с одной стороны, Ушинский стремится строго придерживаться основ «фактической» науки, а с другой — он пытается примирить науку с религией при решении некоторых проблем естествознания и психологии.

Несмотря на противоречивый характер мировоззрения Ушинского, можно и нужно отделить главное, существенное от второстепенного в содержании этого мировоззрения. Анализ трудов Ушинского приводит нас к следующим основным выводам.

Необходимо решительно отвергнуть мысль, что Ушинский на втором этапе своего идейного развития является последователем дуализма Декарта. Несостоятельно также и мнение, что Ушинский является эклектиком, заимствовавшим основы своего мировоззрения из противоречивых западноевропейских источников. Ушинский в свое время разоблачил ложность такого взгляда, заявив, что он вынужден был «оспаривать» теории известных философов и психологов Запада². Говоря, что «мы отовсюду брали, что нам казалось верным и ясным», Ушинский имел в виду не теоретические положения, а лишь «хорошо описанный психологический факт или объяснение его»³. Нет никаких оснований и для того, чтобы рассматривать Ушинского как сторонника субъективного или объективного идеализма.

Но столь же необоснован вывод некоторых советских исследователей о том, что Ушинский является сознательным материалистом, сторонником русской классической философии. Нельзя игнорировать тот факт, что точка зрения Ушинского о сущности материализма,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 295; см. также т. 15, стр. 180, 183.

² К. Д. Ушинский. Соч., т. 8, стр. 46.

³ Там же, т. 8, стр. 44—45.

его отдельных видов, крайне ограничена и страдает существенными недостатками. Будучи прогрессивным мыслителем, понимая всю порочность идеализма, Ушинский не в состоянии был примкнуть к лагерю революционного демократизма и материализма, во главе которого стоял великий Чернышевский.

С нашей точки зрения, необоснованным является также и утверждение, что психолого-педагогическое учение Ушинского основано на научно-материалистических принципах, в то время как в области философии Ушинский стоял на порочной, идеалистической позиции. Бесспорно, что принципы общественно-политической и философской концепции Ушинского определили собой содержание его психолого-педагогического учения. Всестороннее раскрытие прогрессивного содержания созданной Ушинским психолого-педагогической системы невозможно без глубокого анализа его философских воззрений.

Как нам кажется, Ушинский разрешил основной вопрос философии об отношении мышления к бытию, духа к природе с позиций стихийного материализма, который признает объективную реальность внешнего мира, отражаемую человеческим мозгом. Ушинский признал объективное существование материального мира независимо от сознания и воли человека. Каждый здравомыслящий человек, говорит Ушинский, глубоко уверен «в действительном существовании внешнего мира, не зависящем от нашего сознания». Но, не понимая того, что критерием истины является человеческая практика, практическая производственная деятельность людей, он пытается применить другой критерий — психологический анализ, посредством которого можно, по словам Ушинского, разрешить вопрос о происхождении уверенности человека в объективном существовании предметов и явлений внешнего мира¹.

Следовательно, Ушинский решает основной философский вопрос не как идеалист, признающий первичность сознания и вторичность материи, и не как кантианец, поскольку он стоит на той точке зрения, что человек способен познать объективно существующий мир.

В. И. Ленин учит, что нельзя быть материалистом, не разрешая утвердительно основного вопроса философии, но что «можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства»². Ушинский действительно держится ошибочных взглядов относительно критерия истины, но, как сказано, он в стихийно-материалистическом духе разрешил основной вопрос философии. Поэтому нет никакого основания для характеристики мировоззрения Ушинского как идеалистического, хотя он при решении многих вопросов отступает от своих стихийно-материалистических принципов.

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 3, стр. 357.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 101.

Необходимо признать, что Ушинский разрешает как вопросы развития природы, так и гносеологии на основе одних и тех же принципов стихийного материализма. Положительным моментом в мировоззрении Ушинского является признание им того, что природа развивается по присущим ей объективным, естественным законам и что наука может и должна раскрыть эти законы и использовать их в интересах человечества. О стремлении Ушинского разрешить проблемы естествознания в материалистическом духе, на основе достижений науки того времени, свидетельствуют выступления Ушинского в защиту эволюционной теории Дарвина, обоснование великим русским педагогом принципа бесконечного развития действительности от простого к сложному. Многие вопросы психологии, а также педагогики Ушинский разрешал, опираясь на твердые научные факты. В период разгула царской реакции, жесточайшего террора Ушинский выступил в защиту материалистической философии, указывая, в частности, на то, что «много положительного внесла и продолжает вносить эта философия в науку и мышление; искусство же воспитания в особенности и чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время»¹.

Идеализм и метафизика проявляются в решении Ушинским вопросов, как возникло движение материи и каким образом осуществляется превращение одних форм движущейся материи в качественно новые формы (жизнь, психика). Отрицая диалектические скачки в процессе развития природы, признавая, что и «переходы» от одной формы движения материи к другой совершаются исключительно постепенно, Ушинский не мог разрешить проблему возникновения нового качества в научно-материалистическом духе. Необходимо иметь в виду, что он был противником революционного пути развития России, будучи убежден в том, что общественно-исторический процесс совершается всегда постепенно и что просвещение народных масс, воспитание молодого поколения являются важнейшими факторами прогресса. С позиций идеализма Ушинский объяснял и законы развития человеческого общества. Принцип постепенности Ушинский распространил на развитие «организмов» вообще — развитие человека и общества.

Ясно, что принцип постепенности развития «организмов» и форм их деятельности противоречит другому принципу, который защищал Ушинский, а именно: в процессе развития природы закономерно возникают новые качества. Ушинский не в состоянии был разрешить вопросы о превращении физиологической (материальной) деятельности мозга в ощущение и о факторах, определяющих качественные особенности человеческого сознания сравнительно с психикой животных. При решении этих вопросов Ушин-

¹ К. Д. Ушинский. Соч., т. 3, стр. 363.

ский вынужден был вступить в область гипотез, носящих идеалистически-метафизический характер.

Однако необходимо принять во внимание скептицизм, проявленный самим Ушинским к метафизическим гипотезам, на которые он ссылался, и вытекающим из них выводам. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что, согласно Ушинскому, превращение нервной деятельности в ощущение является бесспорным научным фактом, в то время как мысль о роли души в этом процессе представляет собой лишь вероятную гипотезу.

Ушинский не примкнул к революционно-демократическому лагерю, не поднялся до уровня материалистической философии Чернышевского. Необходимо, тем не менее, признать, что русская классическая философия оказала огромное благотворное влияние на формирование философских воззрений Ушинского. Особенно большое значение в эволюции его мировоззрения приобрели философские труды Н. Г. Чернышевского. Развитие точки зрения о роли русской классической философии в эволюции Ушинского от идеализма к материализму — особый вопрос, выходящий за рамки данной статьи.

П. Г. КОЧЕРГИН,
доцент, кандидат географических наук

ПОСТРОЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА ГЕОГРАФИИ 5 КЛАССА

Вопрос о содержании и построении курса географии 5 класса — вопрос набравший, активно обсуждаемый научными работниками и учительством. По вопросу о перестройке курса высказано много различных точек зрения. Общее мнение сводится к тому, что программа по географии курса 5 класса трудна для прохождения ее учащимися. С этим вполне согласен и сектор методики географии Института методов обучения Академии педагогических наук РСФСР.

В одной из статей сборника, посвященного вопросам школьной географии¹, было высказано мнение о том, что попытка дать учащимся 5 класса общий курс землеведения «должна быть признана неудавшейся».

Это объяснялось как неудачной программой по географии, так и принятыми в школах учебниками. Программа и учебники по географии заставляли учащихся изучать общегеографические понятия в отрыве от конкретных географических предметов на основе голых определений и отвлеченных суждений. Содержание курса далеко не всегда соответствовало возрастным особенностям учащихся 5 классов. Это затрудняло прохождение программы и не обеспечивало требования сознательного восприятия учащимися программного материала.

Настоятельно требовалась коренная перестройка курса географии 5 класса в строгом соответствии с требованиями нашей дидактики, в соответствии с задачами школы и значением географии в системе общего образования советского школьника.

Какие же методические и методологические принципы должны быть положены в основу перестройки курса географии в 5 классе нашей школы?

¹ «Известия АПН РСФСР» № 24 за 1950 год, стр. 17.

Перестраивать курс географии для учащихся 5 класса — это значит прежде всего решить важнейший методологический и методический вопрос: с чего начинать изучение систематического курса географии в советской школе. Правильное решение этого вопроса будет обуславливать успешное выполнение образовательных и воспитательных задач, поставленных перед школьной географией.

Курс школьной географии должен быть построен так, чтобы вооружить учащихся строго очерченным кругом научных знаний, необходимых для общего образования. В 5 классе необходимо дать элементарные географические понятия по основным разделам общей физической географии: форма и движение Земли; океаны и моря; основные формы поверхности суши земного шара и их формирование; реки и озера; погода и климат; географические зоны СССР и земного шара.

По этим разделам у учащихся должны быть сформированы основные географические понятия через изучение конкретного географического материала своей местности, СССР и вне нашей родины.

При изучении указанного выше географического материала надо показать учащимся, что на поверхности земного шара существует величайшее разнообразие природных условий, вызванное самыми различными причинами; что в жизни географической оболочки в целом и в каждом ее уголке происходит непрерывный процесс изменения, отсюда и различия в рельефе суши, различия в климате, растительности и животном мире.

Показать эти различия на конкретных и наиболее типичных примерах из различных разделов общей географии и объяснить причины этих различий, показать в доступной для учащихся форме взаимосвязь между отдельными элементами природы и человеческим обществом и географической средой — таковы должны быть научные основы курса географии 5 класса.

Следует помнить, что формирование общегеографических понятий у учащихся 5 классов только начинается. Эти понятия в последующих классах будут расширяться и углубляться. Поэтому необходимо в 5 классах закладывать лишь основы важнейших географических понятий, не перегружая учащихся ненужной и подчас непосильной работой.

Чтобы географический материал был доступен учащимся 5 класса, преподавание систематического курса географии необходимо строить так, чтобы обучение начиналось с простого, красочного материала, который мог бы заинтересовать учащихся.

Это важнейшее педагогическое условие: если начинать изучение систематического курса географии с отвлеченного, сухого и труднодоступного материала, нелегко будет возбудить интерес у учащихся и развить у них любовь к географии.

В 5 классе начинается изучение систематического курса географии. Поэтому на данном году обучения надо заложить элементарные научные основы и выработать умения и навыки, необходимые для последующего изучения географии. Однако содержание курса не следует ограничивать лишь утилитарными задачами подготовительного характера. По курсу географии 5 класса должен быть отобран такой материал, который полезен не только для формирования географических понятий, но и для решения определенных образовательных и воспитательных задач: обогатить учащихся знаниями, расширяющими их умственный кругозор и закладывающими основы для формирования диалектико-материалистического мировоззрения.

Количество общегеографических понятий, изучаемых в настоящее время в 5 классе, очень велико. Из обилия их не выделены наиболее важные. Надо резко сократить количество изучаемых понятий, выбросить второстепенные и мелкие, оставить наиболее ценные с точки зрения образовательной и воспитательной и необходимые для последующего изучения географии.

Процесс усвоения общегеографических научных понятий очень сложный и длительный. Не следует думать, что учащиеся могут сразу усваивать географические понятия путем заучивания готовых определений, не наполненных конкретным содержанием. Словесные определения и объяснения без изучения учащимися конкретных географических предметов и явлений не достигают цели, не развивают умственных способностей учащихся, дают формальные знания. Чтобы познать общие географические явления и закономерности, надо изучить побольше конкретных географических предметов, опираясь на которые можно делать обобщения, формировать у учащихся общегеографические научные понятия. Чем полнее и конкретнее знания учащихся об отдельных географических предметах и явлениях, тем правильнее и богаче содержанием будут обобщенные научные понятия, образуемые в сознании детей постепенно, в процессе изучения географии.

Советская дидактика учит, что надо вести детей к знанию общего через изучение единичного, отдельного, конкретного. Чтобы формировать у учащихся общегеографические понятия — гора, низменность, река, озеро, море, океан, климат, — надо изучать конкретные горы, низменности и другие географические предметы и явления. На основе изученного материала надо формировать у учащихся научные понятия, проверяя усвоение этих понятий путем применения их при географических характеристиках конкретных территорий.

Для образования общегеографических понятий исключительно большое значение имеет краеведческий материал, изучение географических предметов ближайшего окружения: путем сравнения, опираясь на конкретные представления учащихся, можно легче формировать общегеографические понятия у учащихся и тем са-

мым значительно расширять их кругозор. Поэтому краеведческий материал должен быть включен в содержание программы по географии для 5 класса.

Наконец, необходимо помнить, что в процессе изучения курса географии 5 класса очень полезно использование жизненного опыта учащихся и знаний, полученных ими в начальной школе.

Таковы методологические и методические основы построения и содержания курса географии 5 класса.

* * *

Каждый предмет, в каком бы элементарном содержании он ни изучался в школе, должен отражать систему науки, требуемую логикой самой науки и дидактическими соображениями. Принцип систематичности в обучении должен быть выражен последовательно как в построении, так и в содержании курса.

В программе для 5 класса отсутствуют какие-либо определенные принципы и в построении, и особенно в содержании.

В основу структуры курса 5 класса следует положить логическую последовательность научной географии, тщательно отобрав материал и методически его обработав так, чтобы учащимся была дана система научных знаний. Конечно, учет возрастных особенностей учащихся должен играть решающую роль в этой работе.

Мы считаем наиболее целесообразным внести в программу курса географии 5 класса такие основные темы, расположив их в следующей последовательности:

1. Форма и движение Земли и понятие о градусной сетке.
2. Карта и план. Части света и океаны на карте.
3. Формы поверхности суши и процессы, их формирующие.
4. Океаны и моря.
5. Реки и озера.
6. Погода и климат.
7. Природные зоны СССР и земного шара.

Предлагаемое распределение является логическим и последовательным, так как отдельные темы между собой тесно связаны. Изучение географии начинается с формы, движения Земли и градусной сети. С этой темой тесно увязана следующая — «Карта и план. Части света и океаны на карте». С изучением вопроса о суше тесно связано ознакомление учащихся с реками и озерами, погодой и климатом. Последняя тема — географические зоны СССР и земного шара — должна обобщить отдельные изученные элементы географии и на конкретных, ярких примерах показать их взаимодействие и взаимовлияние, познакомить учащихся с жизнью и деятельностью населения в различных зонах СССР и земного шара.

Такова структура курса 5 класса, которую мы предлагаем. В ней прежде всего отражена система, логическая последовательность в изучении общей физической географии, а это очень важно

в обучении. Классик русской педагогики К. Д. Ушинский придавал большое значение системе знаний в процессе обучения: «Только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная отрывочными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет»¹. Структура существующего курса географии 5 класса и характеризуется отсутствием какой бы то ни было системы, где каждая тема изучается сама по себе и с другими темами логически не связана.

Весь курс физической географии должен быть построен так, чтобы на основе изучения конкретного материала, в доступной для учащихся форме, раскрывалась идея непрерывности процесса развития и взаимной обусловленности в природе.

Структура курса, т. е. последовательность расположения тем, должна в большей степени отражать систему научной географии, ее логику, чтобы одна тема вытекала из другой, была с ней органически связана, что облегчит учащимся усвоение географических знаний.

* * *

Содержание курса географии 5 класса должно быть тщательно отобрано, выделены наиболее важные и нужные общегеографические понятия, которые следует углубленно изучать на основе красочного описания географических предметов, расположенных преимущественно на территории СССР.

Общегеографические понятия должны формироваться на основе изучения конкретного фактического материала, а потом в виде выводов и обобщений следует давать общие географические понятия и определения.

Начинать изучение общегеографических понятий с определений, не наполненных конкретным содержанием, как это имеет место в действующих программах и современном учебнике, — это значит давать учащимся формальные знания, требующие только механического запоминания. На практике это приводит к догматизму в преподавании и к формализму в знаниях учащихся. Об этом часто говорят ответы учащихся, даваемые ими при проверке знаний. Так, на вопрос: «Чем отличаются горы от холмов?» ученик отвечает: «Высотой и окраской». На вопрос «Что такое относительная высота?» дается такой ответ: «Какая высота горы от холма».

Ученики часто дают такие бессмысленные ответы потому, что у них не созданы представления, без которых нельзя формировать научные понятия. И это по теме, которая считается сравнительно

¹ К. Д. Ушинский. «Избранные педагогические сочинения», т. II, Учпедгиз, 1939, стр. 19—20.

легкой. По более трудной теме, как «Атмосфера», даются еще более курьезные ответы.

Формирование научных понятий в сознании учащихся обязательно предполагает изучение конкретного материала, без которого нельзя создать систему знаний. К. Д. Ушинский писал: «Истинная педагогика дает ученикам прежде материал и, по мере накопления этого материала, приводит его в систему»¹.

Важнейшим условием формирования научных географических понятий у учащихся 5 классов является использование знаний, полученных учащимися в начальной школе, и учет их жизненного опыта. В содержании существующей программы и то и другое не принималось во внимание. Изучение многих вопросов следует начинать с повторения материала, в той или иной степени знакомого учащимся. Это значительно активизирует их восприятие и облегчает усвоение ими новых знаний.

Отсутствие связи с материалом, изученным в начальной школе, и игнорирование жизненного опыта учащихся являются одним из самых серьезных методических недостатков ныне действующей программы.

В изучении материала необходимо соблюдать последовательность, чтобы была выражена определенная система, удовлетворяющая требованиям научной географии и советской дидактики...

Например, тему «Реки и озера» лучше начинать не с подземных вод, а с поверхностных текучих вод — ручьев, речек и рек, т. е. с более простого и хорошо знакомого многим детям из их жизненного опыта.

Изучение климата по той же причине надо начинать не с состава и высоты атмосферы, а с изучения погоды. Движение Земли вокруг своей оси и Солнца начинать со смены дня и ночи и времен года.

Таковы важнейшие дидактические принципы, которые должны быть положены в основу содержания курса географии 5 класса.

Рассмотрим с точки зрения указанных принципов вопрос изучения в школе отдельных тем по географии.

1. ФОРМА, ВЕЛИЧИНА И ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ И ГРАДУСНАЯ СЕТКА

Эта первая тема является наиболее важной и в то же время весьма трудной для учащихся 5 класса. При ее изучении должна быть раскрыта идея о том, что форма Земли и ее движение вокруг своей оси и Солнца обуславливают смену дня и ночи, времен года и климатические различия на всем земном шаре. Главный упор

¹ К. Д. Ушинский. «Избранные педагогические сочинения». Т. II, Учпедгиз, 1939, стр. 19—20.

Надо сделать на те географические следствия, которые вытекают из формы и движения Земли.

Для раскрытия этой идеи должен быть подобран конкретный, научный и доступный для учащихся материал. Следует помнить, что у учащихся по этому вопросу имеются некоторые знания из курса начальной школы. Их надо использовать. По данной теме учащиеся должны получить знания о шарообразной форме Земли и доказательства шарообразности. При этом надо обратить особое внимание на крутосветные путешествия Мателлана, Лисянского, Крузенштерна, Коцебу. После изучения этого вопроса следует особо подчеркнуть такое явление: в связи с тем, что Земля имеет шарообразную форму, солнечные лучи и тепло по земной поверхности распределяются не одинаково. Это очень важное следствие шарообразности Земли и в то же время одно из доказательств этой шарообразности.

Следующий очень важный и интересный вопрос — вращение Земли вокруг своей оси (суточное движение Земли). При изучении этого вопроса следует опираться на имеющийся у учащихся известный жизненный опыт: они хорошо знают, что в течение суток происходит смена дня и ночи. Задача заключается в том, чтобы дать научное, доступное детям объяснение этому явлению и показать, какое значение имеет вращение Земли вокруг своей оси в распределении солнечного тепла и света на земной поверхности в течение суток.

Изучая вращение Земли вокруг своей оси, необходимо познакомить учащихся с экватором и полюсами.

Следующий очень важный вопрос в содержании первой темы — это движение Земли вокруг Солнца и вытекающие отсюда географические следствия.

При изучении этого вопроса надо широко использовать знания и опыт учащихся: они хорошо знают о временах года умеренного пояса. Главная цель заключается в том, чтобы дать научное объяснение этому важнейшему явлению природы и показать, какое значение имеет смена времен года для жизни растений и животных нашего умеренного пояса.

Годовое движение Земли надо увязывать с изучением тропиков и полярных кругов.

После этого следует познакомить учащихся с Солнцем как главным источником тепла и света на Земле.

Когда будут хорошо усвоены такие понятия, как экватор, полюсы, тропики и полярные круги, составляющие основу градусной сетки, можно приступить к ее изучению. При этом надо показать учащимся, какое значение имеет градусная сетка для изучения географии и составления карт.

Все содержание данной темы необходимо широко использовать в антирелигиозных целях, показав в ярких красках мужественную борьбу ученых с религией.

2. КАРТА И ПЛАН

Второй темой будет изучение карты и плана.

С давних времен, по установившейся традиции, эта тема изучалась (и теперь изучается) первой в курсе общей физической географии, так как считается, что учащиеся, прежде чем приступить к изучению общей физической географии, должны познакомиться с ориентированием, планом, топографической и географической картой. Изучение этих вопросов имеет большое значение для того, чтобы научить учащихся сознательно пользоваться картой. Однако многолетний опыт показывает, что изучение этой темы еще далеко не обеспечивает знания и понимания карты учащимися, если не продолжать этой работы в дальнейшем.

Изучение этой темы начинается с ориентирования, с плана, т. е. с материала мало интересного для детей, что может отбить у них всякий интерес к географии с первых же уроков.

Надо прямо сказать, что многие учителя организуют изучение этой темы исключительно словесными методами — рассказом и беседой.

Объясняется это тем, что организация и методика проведения глазомерной съемки — дело очень сложное, а результаты такой работы ничтожны, так как примитивная съемка не помогает учащимся понять сущность географической карты и не способствует выработке у них умений производить хотя бы самую простейшую съемку. В пределах урока учитель может показать учащимся, как производится такая съемка, и то только отдельные, самые примитивные ее приемы; за это время нельзя снять самого простого плана.

А почему бы не начинать изучение этой темы с карты?

Логическим будет переход от глобуса к карте, показ значения для глобуса и карты градусной сетки, а потом переход от карты к топографическому плану и к топографической съемке, в порядке показа, как делаются карта, план и как ими пользоваться. Ведь главная задача этой темы заключается в том, чтобы познакомить учащихся с содержанием карты и правилами пользования ею, научить учащихся понимать карту. С этой целью и проводится топографическая съемка, знакомство с топографической картой и ее условными знаками.

Мы предлагаем такой порядок прохождения темы: Глобус — модель Земли. Карта полушарий. Карты частей света. Карта СССР. Карта нашего края. Значение градусной сетки для карт. Части света и океаны на карте полушарий. Масштаб и пользование им. Топографические условные знаки. Знакомство с глазомерной съемкой и топографическим планом. Значение планов и карт в жизни и для изучения географии.

Несмотря на важность этой темы, надо помнить, что она имеет вспомогательное значение. Научить учащихся читать карту можно только в процессе изучения географии не только в 5, но и в последующих классах.

3. ОКЕАНЫ И МОРЯ

Тема «Океаны и моря» имеет большое значение в изучении общей физической географии. Океаны и моря занимают более $\frac{2}{3}$ всей поверхности земного шара. В океаны и моря впадает большинство рек земного шара. С водной поверхности земного шара происходит испарение водяных паров, которыми насыщены нижние слои атмосферы, вследствие чего на поверхности всей Земли выпадают осадки.

После такого введения необходимо перейти к описанию и изучению океанов и морей, особенно морей, омывающих СССР — Черного, Балтийского, Баренцева и Охотского. Описание и изучение океанов и морей необходимо увязывать с работой над картой, знакомя учащихся с тем, какие части света какими океанами омываются.

После ознакомления с океанами и морями можно будет сделать обобщение, что такое океан и море.

При изучении этой темы необходимо давать красочные описания океанов, морей и явлений, происходящих в океанах и морях, знакомить детей со штормами, ураганами, животными, живущими в океанах и морях, показывая, как человек использует моря и океаны.

4. ФОРМЫ ПОВЕРХНОСТИ СУШИ И ПРОЦЕССЫ, ИХ ОБРАЗУЮЩИЕ

Эта тема является одной из главных в курсе общей физической географии. Формирование научных понятий о важнейших формах поверхности суши и их образовании имеет очень большое значение как для последующего изучения географии, так и в отношении образовательном и воспитательном.

Главная цель, которая должна быть поставлена при изучении этой темы, — дать учащимся понятие об основных формах рельефа и о тех процессах, которые их создают. Необходимо показать учащимся непрерывность процессов, происходящих на поверхности суши земного шара, и медленных, но постоянных изменений в результате этих процессов.

Формы земной поверхности должны изучаться обязательно в связи с процессами, их образующими. Отрыв форм поверхности от процессов, обусловленных деятельностью внутренних и внешних сил, как это имеет место в настоящее время, резко снижает научный уровень учебного материала и противоречит элементарным требованиям диалектического материализма.

Формировать научные понятия о важнейших формах рельефа следует на основе изучения конкретных низменностей, гор, плоскогорий, расположенных преимущественно на территории СССР, а потом по карте познакомиться с крупнейшими низменностями, плоскогориями и горами земного шара.

Изучение этой темы можно проводить в такой последовательности: Строение поверхности нашей местности. Русская равнина и особенности строения ее поверхности. Западно-Сибирская низменность и отличие ее поверхности от Русской равнины. Туранская низменность. Обзор по карте крупнейших низменностей и равнин земного шара. Как можно на карте найти низменности. Описание гор и плоскогорий. Нахождение их по карте. Как можно на карте найти горы и плоскогорья и определить их высоту.

Изучение гор, плоскогорий и низменностей должно проводиться на основе красочных описаний этих географических объектов.

После этого следует переходить к изучению явлений, вызываемых внутренними силами Земли: Вулканы и описание их действий. Причины вулканической деятельности. Размещение вулканов преимущественно в горных местностях. Вулканы Камчатки и Курильских островов. Потухшие вулканы Кавказа. Крупные вулканические области земного шара. Землетрясения. Описание землетрясений верненского, крымского, японского. Причины землетрясений. Сейсмические области СССР и земного шара. Понятие о внутренних силах Земли. Как разрушаются горы. Как образуются низменности и равнины. Работа текучих вод, ветра. Изменение форм поверхности суши под действием внешних сил в нашей местности.

Заключение по всей теме: основные формы рельефа и их формирование под действием внутренних и внешних сил.

Такое построение и содержание этой важнейшей темы, по нашему мнению, является наиболее целесообразным.

5. РЕКИ И ОЗЕРА

В существующей программе тема «Вода на Земле» включает в себя очень обширный и разнообразный материал: о подземных водах, о реках и озерах, о морях и океанах.

Воды суши и океаны и моря — это качественно различные географические понятия и роль их в жизни географической оболочки тоже различна. Поэтому объединять все это в одну тему нецелесообразно. Следовательно, эту тему надо разделить на две: «Реки и озера» и «Океаны и моря».

Реки и озера СССР и земного шара представляют большой интерес для изучения. Основная цель изучения этой темы заключается в том, чтобы показать учащимся значение постоянных и

временных текучих вод в жизни суши и их использование в нашей стране до революции и в настоящее время.

В соответствии с этой целевой установкой и должен быть отобран материал. Изучение материала темы следует начинать с экскурсии и красочного описания конкретных рек, а уж потом обобщить и сформировать общее понятие «река».

Учащиеся уже имеют по этой теме некоторые знания, полученные в начальной школе. Поэтому содержание материала темы «Река» и его расположение должны быть такими: Река и ручьи нашей местности, экскурсия на реку или ручей с целью изучения русла, устья, бассейна, водораздела и т. д. Описание Волги, Днепра. Откуда реки получают воду. Подземные воды. Ледники в горах. Озера и болота. Описание и обзор по карте важнейших рек СССР и использование их прежде и теперь. Преобразование рек в СССР. Обзор по карте крупнейших рек земного шара.

Общегеографическая характеристика рек СССР должна быть увязана с практикой, с постройкой гидростанций и сооружением каналов для орошения и обводнения маловодных пространств. При ознакомлении учащихся с реками зарубежных стран необходимо давать краткую характеристику рек: откуда они берут начало, куда впадают, по какой местности протекают.

Учитель должен стремиться к тому, чтобы изучение реки было прочно увязано с территорией, по которой она протекает. Изучение озер следует увязать с изучением рек и территорий, на которых они (реки и озера) расположены.

6. ПОГОДА И КЛИМАТ

В существующей программе по географии для 5 класса такой темы не существует. Вместо нее изучается всеобъемлющая тема — «Атмосфера», которая излагается не только с географической точки зрения, а с геофизической и метеорологической. Тут изучается состав и высота атмосферы, нагревание земной поверхности солнцем в зависимости от широты места, нагревание суши, водной поверхности, воздуха, зависимость температуры воздуха от высоты над уровнем моря, средние суточные, месячные и годовые температуры, давление воздуха, изменение давления с высотой и т. д.

Как видно из приведенного неполного перечня изучаемых вопросов, материал темы очень трудный и мало соответствует курсу географии. Учителя вполне обоснованно заявляют, что тема является самой трудной для учащихся. Это совершенно справедливо, потому что, во-первых, учащиеся не подготовлены для изучения этого материала, а, во-вторых, материал слабо связан с географией. Поэтому данную сложную тему надо заменить более соответствующей курсу географии и доступной для учащихся — «Погода и климат».

Объяснительная записка к программе рекомендует проводить

экскурсии в природу, а учебник требует обязательного проведения наблюдений над погодой. И в то же время ни в содержании программы, ни в тексте учебника не говорится об использовании материалов наблюдений над местной погодой; нет указаний на необходимость формирования понятия погоды и климата на основе изучения местного материала.

Наблюдения над погодой надо вести с начала учебного года и, опираясь на материал этих наблюдений и знания, полученные в начальной школе, следует изучать погоду и климат своей местности.

Сформировав прочные понятия погоды и климата своей местности, опираясь на эти понятия и знания, полученные при изучении темы «Форма и движение Земли», можно приступить к формированию понятия климата остальных климатических зон и главных типов климатов СССР и земного шара.

Понятие климата и его типов по зонам надо наполнить ярким географическим содержанием. Только при этом условии мы сможем сформировать важнейшее географическое понятие «климат» и уяснить причины климатических различий на земном шаре, показать влияние климата на размещение растительности и рек на территории СССР и на земном шаре. В соответствии с этой основной целевой установкой должно определяться и содержание темы «Погода и климат».

Что такое погода. Изменчивость погоды. Наблюдение над погодой. Значение предсказания погоды. Какая чаще всего бывает погода в нашей местности: летом, зимой, осенью, весной.

Климат нашей местности. В каких широтах расположена наша местность. Положение нашей местности по отношению к океанам и морям.

Растительность нашей местности в связи с климатом. Климат на север от нашей местности. Какая растительность и сельскохозяйственные культуры там произрастают. Климат на юг от нашей местности. Какая растительность и сельскохозяйственные культуры там произрастают. Климатические зоны земного шара и их условные границы. Зависимость климата от географической широты. Растительность и размещение растительных зон в зависимости от климата. Жизнь и деятельность населения в различных климатических поясах СССР.

7. ПРИРОДНЫЕ ЗОНЫ СССР И ЗЕМНОГО ШАРА

Эта тема тесно связана с изучением климата, является завершающей в курсе 5 класса. Она должна обобщить знания, полученные учащимися на протяжении изучения предмета в течение всего года. Поэтому данной теме следует уделить особое внимание.

Изучение надо построить так, чтобы в теме были объединены основные географические понятия, сформированные у учащихся по отдельным разделам общей физической географии. Это — важнейшая задача всей темы, соответственно которой и должно быть определено ее содержание. В содержание каждой природной зоны должны быть включены следующие основные элементы: положение — повторение градусной сетки и применение знаний по этому вопросу при изучении географии; какой климат каждой зоны и почему; крупнейшие реки, пересекающие зоны; почвы, растительность и животный мир; картины жизни и деятельности населения по зонам.

В процессе изучения темы надо показать различия природных условий по зонам и в доступной форме объяснить причины этих различий. Главное внимание должно быть обращено на описание картин природы основных зон СССР, а потом и земного шара.

Содержание темы должно быть следующим: Зависимость распределения растительности от климата. Растительные зоны СССР и земного шара. В какой зоне мы живем. Зона тундры, зона лесов, степей, пустынь, саванн и тропических лесов. Какие зоны имеются в южном полушарии. На какие зоны делится земной шар. Сколько зон имеется на территории СССР. Взаимозависимость и связь в размещении природных зон и климатических поясов.

— Такое построение и содержание этой важнейшей темы имеет большие преимущества как с точки зрения научной географии — обобщение знаний, полученных учащимися при изучении отдельных разделов общей физической географии, так и с точки зрения методической — изучение зоны, в которой расположена школа, потом переход к зонам СССР, которые изучались учащимися в элементарном содержании в 4 классе.

Таким образом, при формировании научных понятий о зонах и о причинах зональности имеется полная возможность опираться на знания, полученные в начальной школе, и на краеведческий материал. Это даст возможность углубить понятия природных зон и климатических поясов и на конкретных примерах показать связь и взаимозависимость между отдельными элементами природы.

Тему «Природные зоны» следует рассматривать не только как завершающую, обобщающую материал, изученный в 5 классе, но и как переходную, подготовляющую учащихся к изучению курса географии частей света в 6 классе.

* * *

Предлагаемый курс географии 5 класса по своим целям и задачам остается общегеографическим, ибо в этом классе должны усваиваться основные общегеографические понятия и закладываться основы для формирования диалектико-материалистического

мировоззрения у учащихся. Но построение и содержание его принципиально отличается от ныне существующего курса.

В построении (структуре) более ясно выражена система расположения (последовательность) материала: каждая тема связана с предыдущей и последующей, одна логически вытекает из другой. Такая структура отражает логику географической науки.

Содержание курса характеризуется связью с практикой и наличием конкретного географического и краеведческого материала, на основе которого формируются общегеографические понятия.

Учебный материал органически связан с картой.

В содержании курса ярко выражен важнейший принцип советской дидактики — от конкретного к общему, от близкого к далекому, что соответствует возрастным особенностям учащихся 5 класса.

Кроме того, и в методическом отношении содержание курса резко отличается от существующего: усвоение новых географических понятий опирается на знания, полученные в начальной школе, на краеведческий материал, на изучение конкретных географических предметов и явлений, а также и на использование жизненного опыта учащихся.

К. Г. МИРОШНИЧЕНКО,
кандидат биологических наук

УКОРЕНЕНИЕ СТЕБЛЕВЫХ ЧЕРЕНКОВ РАСТЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭТИЛОВОГО СПИРТА И ВОДНЫХ ЭКСТРАКТОВ

За последние десятилетия советскими учеными достигнуты весьма значительные успехи в разработке способов укоренения черенков различных растений.

Работы Вехова и Ильина (1934), Комиссарова (1946) и Турецкой (1949) дают сводку соответствующих методов и содержат перечень растений, укоренение которых основано на новых достижениях науки.

Одним из основных приемов укоренения черенков растений является предварительная обработка их ростовыми стимуляторами. При использовании синтетических ростовых стимуляторов (гетероауксина, 2—4 ДУ и других), в связи с недостаточной растворимостью последних в воде, в качестве хорошего растворителя обычно употребляется этиловый спирт.

Анализ работ, посвященных укоренению стеблевых черенков различных растений, показывает, что некоторые авторы, используя в качестве растворителя ростовых стимуляторов этиловый спирт в различных водных растворах, не всегда соблюдают необходимость постановки контрольного опыта, который должен определять влияние этилового спирта на корнеобразование у черенков.

Имеются работы, в которых случаи положительного влияния этилового спирта на корнеобразование не принимаются во внимание. Так, Накаидзе и Пирцхалайшвили (1947) в работе по укоренению черенков чайного растения не упоминают о значительном эффекте спиртового раствора, который, по данным этих авторов,

дает до 90% укоренения черенков, не уступая раствору гетероауксина.

Кондо (1948), обрабатывая виноградные черенки ростовыми стимуляторами, не отмечает положительного результата, полученного со спиртовым раствором при укоренении незрелых черенков, эффект же укоренения при этом не уступает достигнутому с гетероауксином и нафтилуксусной кислотой.

В настоящем исследовании была поставлена цель более планомерного изучения этилового спирта как возможного стимулятора корнеобразования у стеблевых черенков растений.

Нам казалось небезинтересным испытать также влияние вытяжек из листьев на корнеобразование. Попытки в этом направлении были предприняты Вентом (Went, 1929) и Комиссаровым (1938). Оба автора исходили из мысли о возможном поступлении в зону корнеобразования ростовых веществ из листа. С целью извлечения этих веществ из листьев последние помещались на несколько дней черешками в воду, которая затем выпаривалась, а остаток смешивался с ланолином (Комиссаров) или агаром (Вент). Полученные пасты использовались для установления наличия в них ростовых веществ по их способности усиливать корнеобразование у черенков. Комиссаров установил, что содержание «ростовых веществ», выделенных таким путем из листьев *Salix caprea* и *Salix viminalis*, очень незначительно и что пасты из вытяжек никакого действия на природную укореняемость их черенков не оказали. Венту удалось получить положительный эффект и вызвать корнеобразование у черенков акалии при обмазывании их агаровой пастой.

Оба автора исходили из относительно узкого понимания роли листьев в корнеобразовании, как поставщиков специфических ростовых веществ типа А (ауксинов, у Вента «ризокалина»), не учитывая при этом возможную роль таких веществ, как витамины, а также питательных и пластических материалов, вырабатываемых в листе.

По воззрениям акад. Максимова (1946) природа действия «ростовых» веществ состоит в усилении поступления воды, минеральных и органических веществ в клетку, что и стимулирует рост обогащенных ростовым веществом тканей за счет других частей растения, более бедных им. Так, в опытах Турецкой (1949) с облиственными черенками было показано, что под влиянием стимуляторов роста совершается усиленный отток сахаров и азотистых веществ из листьев в верхние, а затем и в нижние части черенков — к месту образования корней. Очевидно, ростовые стимуляторы в данном случае действуют как фактор, мобилизующий вещества, участвующие в естественном процессе укоренения растений.

Основной лабораторией пластических веществ (например, сахаров), так же, как и других необходимых для роста корней фитогор-

монов (витамин В₁), является лист растения. Можно полагать, что при извлечении из листьев растений их содержимого и обработке зоны укоренения последнее станет в ряде случаев возможным без предварительной обработки черенков ростовым стимулятором.

Проверка этого предположения была осуществлена в описываемых ниже опытах.

І. УКОРЕНЕНИЕ ЧЕРЕНКОВ ЭТИЛОВЫМ СПИРТОМ

Стимулирующее влияние этилового спирта на рост проростков фасоли «Канадская полевая» наблюдалось нами при выращивании растений в пробирках на водопроводной воде. Были подобраны пары растений одинаковых по высоте и величине листовых пластинок. Одно растение из каждой пары получало спиртовой раствор определенной концентрации, другое — водопроводную воду. Спустя 48 часов опытные растения на спиртовых растворах концентрацией в 0,5—0,75%, на 1,5—2,0 см превышали контрольные, при этом заметно увеличивалась площадь листовых пластинок-проростков, поверхность их стала более глянцевиной, а окраска более темной.

В другом опыте растения фасоли того же сорта выращивались на фаянсовых блюдах по 6—7 экземпляров. Корни растений были прикрыты фильтровальной бумагой. Растения росли исключительно за счет питательных веществ семядолей и процесса фотосинтеза. Опытные растения были разделены на две группы: первая имела две семядоли (15 экземпляров), у второй оставлено по одной (6 экземпляров); растения получали через день полив водным 0,75% раствором спирта. Контрольные растения поливались водопроводной водой. В трехнедельном возрасте растения характеризовались следующими данными:

Таблица 1

Влияние этилового спирта
на рост и накопление сухой массы у фасоли

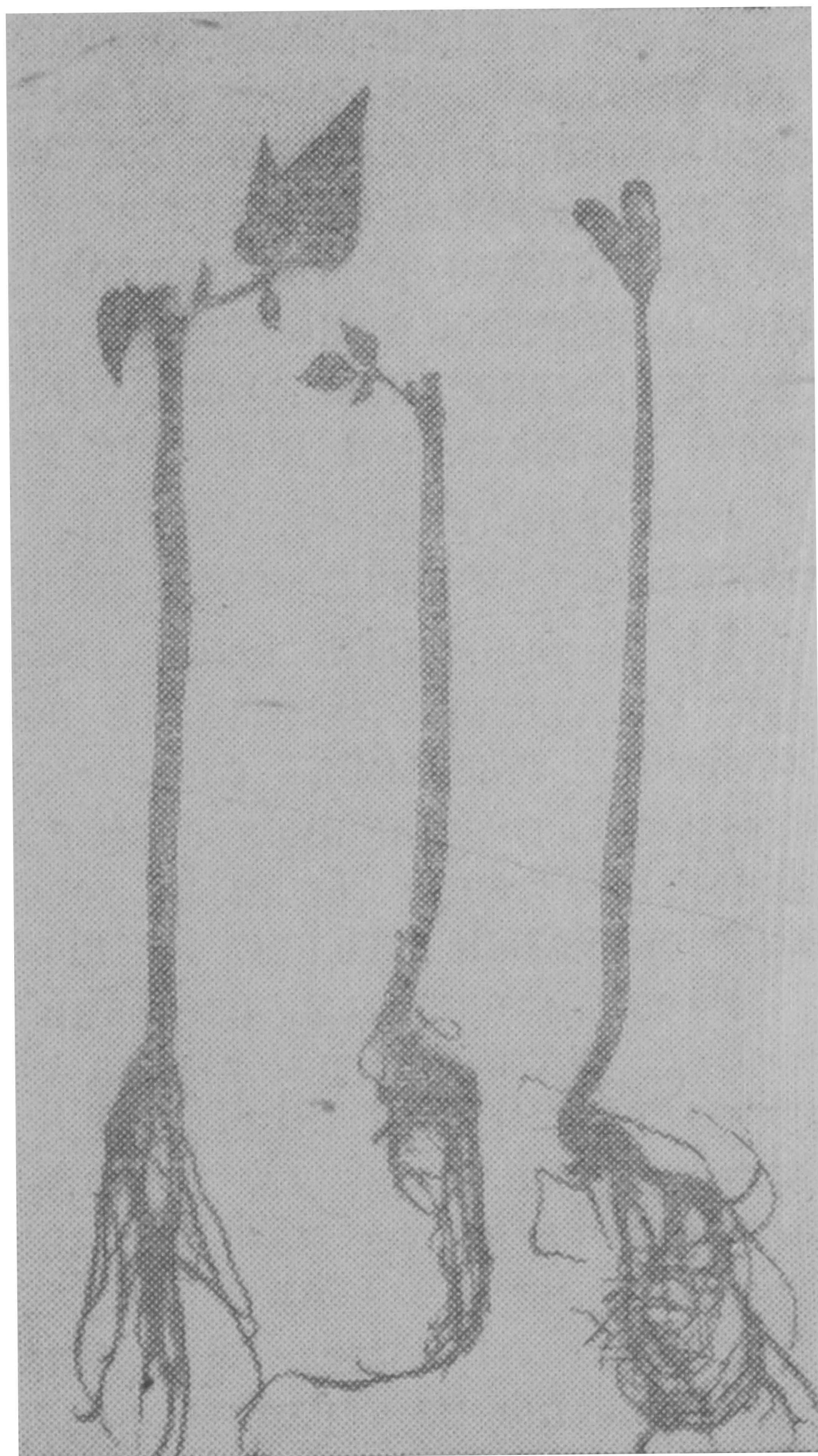
Варианты опыта	Общий вес сухой массы 1 расте- ния в г	Вес сухой массы корней в г	Высота стебля в см	Площадь тройча- того листа в см ²
Контроль	0,29	0,11	22,5	1,7
С 2 семядолями	0,39	0,17	28,5	11,2
С 1 семядолей	0,18	—	16,3	5,8

Под влиянием этилового спирта рост растений и накопление органической массы протекали повышенным темпом: высота стеблей возросла на 6 см, т. е. на 26%, вес сухой массы — на 34%, вес сухой массы корней — на 54,5%. Обращает на себя внимание

убыстрение темпов роста у опытных растений. У них успел сформироваться крупный тройчатый лист площадью в $11,2 \text{ см}^2$. Даже растения с одной семядолью при общем отставании в росте образовали тройчатый лист, в 3,5 раза превышавший зачаточный тройчатый лист контроля. Характерно при этом пожелтение нижних простых листьев растений опытных вариантов при сохранении листьями контрольных растений нормальной окраски. Очевидно, в первом случае, в связи с более быстрым и полным использованием запасов семядолей, происходит более энергичная мобилизация необходимых веществ из нижних листьев.

19/VII у 17 проростков фасоли в возрасте 11 дней были удалены эпикотили с парой первых простых, супротивных листьев на высоте 3—4 мм над семядолями. Таким образом, растения состояли из гипокотилей с корнями и несколько использованными семядолями, представляя собой своеобразные «пеньки». Растения были разделены на две группы: первая помещена в пробирки на водопроводную воду, вторая на 0,5% раствор этилового спирта.

У опытных растений в течение последующих 48 часов наблюдалось вытягивание гипокотилей — с 6,4 до 6,7 см; контрольные прироста не обнаружили. Спустя 5—6 дней у опытных «пеньков» вдоль гипокотилия появилось большое количество зачатков придаточных корней; форма стебля приблизилась к 4-гранной и стала несколько извитой с продольной трещиноватостью в коре. В то же время из пазушных почек обеих семядолей появились бледнозеленые выросты, которые превратились в небольшие листовые пластинки, продолжавшие рост до опадения быстро желтевших и сморщивающихся семядолей. У контрольных «пеньков» семядоли сохранялись дольше, имея зеленоватую окраску. Характерно, что выросшие из пазушных почек семядолей листочки оказались тройчатыми, а не простыми подобно первым листьям фасоли.

В отдельных случаях листовая пластинка опытных растений утрачивала правильную тройчато-сложную форму в связи с непропорциональным ростом отдельных листочков и срастаний между ними.

На рисунке изображены два опытных «пенька», один из которых представляет образец правильного развития тройчатого листа, второй же — образец отклонения: в данном случае непропорционально сильно разросся средний листок и с ним срослась одна из боковых пластинок.

Таким образом, в этом опыте действие этилового спирта проявилось: 1) в растяжении клеток гипокотилия, уже прекратившего рост; 2) в заложении корневых зачатков и 3) в стимулировании деятельности меристемы в пазухах семядолей, которая обычно не проявляет органообразовательной деятельности. Действие этилового спирта в последнем случае напоминает действие ростовых стимуляторов, порождающих нередко изменения в нормальных органо- и формообразовательных процессах растений (акад. Н. Г. Холодный, 1946).

В опыте с яровой пшеницей «Тулун» нами использовалось несколько концентраций этилового спирта: от 0,25% до 2,5%. Замачивание зерновок в указанных спиртовых растворах дало отрицательный результат: всхожесть снизилась с 94% до 84%, при этом заметно отставал рост корней у проростков. Воздействие спиртовыми растворами на уже проросшие зерновки усилило рост проростков максимально при концентрации 0,5%; 10-дневные проростки при однократном поливе спиртовым 0,5% раствором превосходили контроль на 2,3 см.

Усиление корнеобразования под влиянием этилового спирта наблюдалось в следующих экспериментах.

14/IX для опыта были отобраны 18-дневные проростки фасоли «Канадская полевая» с почти закончившимися рост первыми листьями, зелеными, слегка использованными семядолями и только что тронувшимся в рост первым (после эпикотилия) междоузлием. Растения были в хорошем состоянии, не этиолированы, с округлым стеблем, без корневых зачатков на последних.

У серии опытных растений были удалены корни и облиственные стебли перенесены на спиртовые растворы четырех концентраций: 0,25%, 0,6%, 1,8% и 2,5%; контролем служили черенки проростков на водопроводной воде и нечеренкованные растения также на водопроводной воде. В каждом варианте содержалось по 6—7 растений.

Результаты опыта приведены в таблице 2.

Как видно из таблицы, этиловый спирт при высшей из примененных концентраций — 2,5% совершенно подавляет корнеобразование; начиная с концентрации 1,8% корнеобразование усиливается; при 0,8% и 0,25% корнеобразование возрастает в

**Влияние этилового спирта
на корнеобразование у черенков фасоли**

Варианты	Время появления корней	Число кор- ней на 1 растение	То же в проц.	Длина зоны корнеобра- зования в см	Длина 1 междоузлия в см	Площадь ли- стовой пла- стинки в см
Контроль черенкованный	19/IX	12	100	1,5	4,4	2,7
Контроль нечеренкованный	24/IX	8	66	1,4	4,2	2,8
Обработанный спиртовым раствором—2,5%	—	—	—	—	2,5	1,3
Обработанный спиртовым раствором—1,8%	24/IX	15	125	3,3	2,2	1,0
Обработанный спиртовым раствором—0,6%	24/IX	29	241	3,7	2,0	0,9
Обработанный спиртовым раствором—0,25%	24/IX	49	408	4,2	1,4	0,6

2,5—4 раза при значительном увеличении протяженности зоны корнеобразования. Характерно наличие у всех опытных растений разбухания нижней части гипокотилия и продольного растрескивания коры у варианта с 0,25% раствором. Такого рода разбухание отмечено Максимовым с сотрудниками (1947) при обработке черенков фасоли гетероауксином, 2—4 дихлорфеноксиуксусной кислотой и другими ростовыми стимуляторами. Данные таблицы свидетельствуют о том, что наблюдается правильное, обратное соотношение между энергией корнеобразования у черенков и ростом первого (после эпикотилия) междоузлия и первого тройчатого листа: чем энергичнее первое, тем слабее второе.

Подобное соотношение наблюдалось Стюартом (Stuart, N., 1938) при обработке черенков фасоли возрастающими концентрациями (вплоть до оптимальной) — гетероауксина. Оно являлось следствием оттока углеводов и N-содержащих веществ из листьев и стебля в гипокотиль. Чем сильнее этот отток, тем замедленней рост листьев и стебля.

Очевидно, эффект действия этилового спирта на живую клетку, в данном случае, подобен действию общепризнанных ростовых стимуляторов, т. е. его (этилового спирта) воздействие усиливает приток питательных и пластических веществ в зону гипокотилия.

Таблица показывает, что корнеобразование у опытных черенков началось на 5 дней позже, чем у контрольных, т. е. одновременно с появлением придаточных корней у нечеренкованных растений. В другом опыте с черенками фасоли, поставленном при более благоприятных условиях выращивания (июль), различия в сроках появления корней у опытных и контрольных черенков не

наблюдалось. Кроме того, у контрольных черенков в этих условиях происходило только редкое образование единичных придаточных корней при обильном корнеобразовании у опытных черенков на 0,5% растворе спирта.

В опыте с ивой (*Salix triandra*) были взяты одревесневшие однолетние побеги в конце сентября и помещены в водопроводную воду и на растворы этилового спирта 2,5%, 1,5% и 0,5%. После 5-дневного пребывания на растворах опытные растения дали многочисленные корневые зачатки на поверхности нижней части черенков, но без образования каллюса. Наибольшее число корней (которые в дальнейшем хорошо разрослись в воде) образовалось на 1,5% и 0,5% растворах, значительно меньше — на 2,5%. Единичные корни спустя 2—3 недели появились у контрольных растений.

В опыте с черенками комнатной герани (вторая половина сентября; одностебельные побеги 12—15 см длины) последние выдерживались на 0,5—0,75% растворах этилового спирта в продолжении 6 дней, а затем были перенесены на водопроводную воду. Спустя 6—7 дней на нижнем срезе и особенно на поверхности черенков появилось много корневых зачатков. У некоторых черенков спустя 2—3 недели образовались хорошие каллюсы. Контрольные растения образовали корни значительно позже и в меньшем количестве, образования каллюса у них не наблюдалось.

В связи с полученным нами, а также отмеченным у других авторов, положительным влиянием этилового спирта на корнеобразование черенков ряда растений заслуживает внимания исследование Рулянда и Рамсхорна (W. Ruhland и K. Ramshorn, 1938). Авторы указывают, что в меристематических тканях в условиях нормальной аэрации, наряду с дыханием, протекает также и процесс брожения. Энергия брожения при этом находится в зависимости от энергии жизнедеятельности меристемы, усиливаясь и ослабевая с усилением и ослаблением энергии клеточных делений. В результате брожения в меристеме происходит накопление этилового спирта и уксусной кислоты. В зоне клеток, закончивших растяжение, этиловый спирт и уксусная кислота не обнаружены.

С этой точки зрения этиловый спирт может рассматриваться не только как искусственный стимулятор роста, но и как вещество, прямо или косвенно используемое в естественных ростовых процессах.

II. УКОРЕНЕНИЕ ЧЕРЕНКОВ ВОДНЫМИ ВЫТЯЖКАМИ

4/VII—1947 г. было отобрано 18 однородных шестидневных проростков фасоли (сорт «Канадская полевая»), 8 из них были помещены по одному в пробирки на водопроводную воду, другие 10 растений (также по одному) на фильтрат водной вытяжки из тщательно растертых простых листьев проростков фасоли. (Вы-

тяжка из 18 г сырой массы листьев была разбавлена десятикратным объемом воды.) Спустя 4 дня раствор заменен свежим, через 8 дней опытные растения перенесены на водопроводную воду.

14/VII у опытных растений появились многочисленные зачатки придаточных корней, покрывавших гипокотили на высоту 5—6 см. 18/VII корни достигали 4—5 см в длину при среднем числе 32 корня на растение. У контрольных растений появилось по 2—3 корня не длиннее 1 см. Заметных различий в высоте стеблей и размерах листовых пластинок не было. В данном случае водная вытяжка из листьев способствовала корнеобразованию у растений даже при наличии первичной корневой системы.

Целью следующего опыта было изучение корнеобразования при обработке черенков фасоли вытяжками из листьев фасоли, герани и крапивы, а также нахождение оптимальных концентраций вытяжек. Корнеобразование в этом случае сопоставлялось с таковым при обработке 2—4 дихлорфеноксиуксусной кислотой (2—4 ДУ), широко применяемым синтетическим ростовым стимулятором.

Было выращено и отобрано для опыта 120 проростков фасоли «Канадская полевая». Растения черенкованы в возрасте 12 дней. Опыт поставлен 25/IX по следующей схеме:

1. Контроль — черенки проростков фасоли на водопроводной воде.

2. Черенки на водных растворах 2—4 дихлорфеноксиуксусной кислоты (2—4 ДУ): а) 0,75 мг/л и б) 1,5 мг/л.

3. Черенки на вытяжках из листьев: а) фасоли, б) герани (*Pelargonium zonale*) и в) крапивы (*Urtica dioica*); варианты проведены на 2—3 концентрациях вытяжек — $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{25}$, $\frac{1}{50}$; (знаменатель дроби обозначает количество мл воды, добавленное на 1 г сырой массы листьев).

В каждом варианте имелось 9—12 растений, размещенных по одному в пробирке емкостью 20 мл. Гипокотили оставались погруженными в растворы 2—4 ДУ или листовых вытяжек 42 часа, после чего перенесены на водопроводную воду.

Растения находились в помещении с температурой 15—17°, что не совсем благоприятствовало росту. Тем не менее спустя 5 дней как у опытных, так и у контрольных растений начали появляться бугорки корневых зачатков. У вариантов с 2—4 ДУ при этом наблюдалось растрескивание стеблей по линиям расположения корневых бугорков. То же, но в меньшей степени, наблюдалось в концентрации $\frac{1}{12}$ герани. Опыт ликвидирован 13/IX, результаты итогового учета приведены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, водные вытяжки из листьев значительно усиливают корнеобразование у черенков фасоли (на 142—240% от контроля). Исключение составил вариант на слабой вытяжке $\frac{1}{50}$ фасоли, не давшей существенного увеличения корнеобразования.

**Укоренение черенков фасоли
под влиянием 2—4 ДУ и водных вытяжек из листьев**

Варианты	Высота гипокотыля в см	Протяженность зоны корнеобразования в см	Зона корнеобразования в проц.	Количество корней	Количество корней в проц. к контролю	Количество корней на 1 см
Контроль	9,6	3,8	39,0	35,0	100,0	9,3
2—4 ДУ 1,50 мг/л	9,8	4,0	40,8	105,0	300,0	26,2
2—4 ДУ 0,75 мг/л	9,8	3,2	32,7	68,7	194,3	21,3
Вытяжка герани $1/12$	9,5	6,9	72,6	85,0	243,0	12,0
Вытяжка герани $1/25$	9,6	6,9	71,8	70,0	200,0	10,1
Вытяжка герани $1/50$	9,3	5,4	58,0	64,0	183,0	9,0
Вытяжка фасоли $1/25$	9,2	4,1	44,5	53,0	151,4	11,0
Вытяжка фасоли $1/50$	9,6	4,3	44,8	38,0	109,0	13,0
Вытяжка крапивы $1/12$	9,6	6,1	63,5	52,0	148,8	8,5
Вытяжка крапивы $1/25$	9,3	5,5	60,0	50,0	142,8	9,1

Наибольший эффект был достигнут с вытяжкой герани — количество корней соответственно концентрациям $1/12$, $1/25$ и $1/50$ составило 85, 70 и 64 корня, т. е. 243%, 200% и 183% от контроля. Этот результат уступает только эффекту от 2—4 ДУ более высокой концентрации — 1,5 мг/л (105 корней, 300% к контролю), но он превосходит результат, полученный с синтетическим ростовым веществом при более низкой его концентрации — 0,75 мг/л (68 корней, 194% к контролю). Даже в наименьшей концентрации гераниевая вытяжка вызвала более сильное корнеобразование, чем вытяжка из крапивы и фасоли более высокой концентрации. Между действием вытяжек из фасоли и крапивы значительной разницы не наблюдается. Эффект корнеобразования во всех случаях снижается при снижении концентрации применявшихся растворов.

Характер влияния растительных вытяжек на корнеобразование имеет существенное отличие от действия 2—4 ДУ. В первом случае протяжение зоны корнеобразования более велико — для вытяжки герани $1/12$, $1/25$ составляет 71%—72,6% от длины гипокотыля. При обработке черенков 2—4 ДУ зона корнеобразования почти вдвое относительно короче, составляя 32,7%—40,8% от длины гипокотыля. При обработке черенков как листовыми вытяжками, так и растворами 2—4 ДУ гипокотили погружались в растворы на глубину 6 см, т. е. во всех случаях непосредственному воздействию растворов подвергалась одинаковая протяженность зоны гипокотыля. Корнеобразование же, в варианте с

2—4 ДУ. распространялось только на высоту 3,2—4,0 см, при воздействии наиболее эффективной из вытяжек — гераниевой зона корнеобразования несколько превысила 6 см, достигнув 6,9 см.

Меньшее протяжние зон корнеобразования с вытяжками фасоли и крапивы, так же, как и сокращение протяженности этих зон в связи со снижением концентрации примененных вытяжек (табл. 3) вообще, объясняется, по нашему мнению, меньшим содержанием в них веществ, имеющих значение при корнеобразовании.

Различие в корнеобразовании между 2—4 ДУ и вытяжками из листьев выражается также и числом придаточных корней на 1 см протяжения гипокотыля. В первом случае образовалась характерная, густая, четырехсторонняя щетка корней, количество которых на 1 см составило 26 (вар. 1,5 мг/л) и 21 (вар. 0,75 мг/л); во втором случае, на вытяжках из листьев, густота корней вдвое, втрое ниже, колеблясь по вариантам от 8,5 до 13,0 см и в небольшой степени отклоняясь от контроля.

Высокая корнеобразующая способность гераниевой вытяжки была выявлена в опыте с ее черенками.

Черенки герани (*Pelargonium zonale*) были срезаны с горшечных экземпляров, произраставших в лаборатории. С этой целью использовались побеги длиной 12—15 см с 4—5 зелеными листьями. 4/IX черенки были помещены на растворы вытяжек из листьев герани, фасоли и ивы. Растворы приготавлились 4 концентраций — I — $\frac{1}{25}$, II — $\frac{1}{50}$, III — $\frac{1}{100}$, IV — $\frac{1}{200}$, считая на 1 г сырого веса листьев. Черенки оставались на вытяжках 6 дней, после чего их перенесли на водопроводную воду. 12/IX появились первые придаточные корни на вытяжках герани и фасоли I и II концентраций. Динамика последующего нарастания корней приведена в таблице 4.

Т а б л и ц а 4

Динамика появления корней
у черенков герани на вытяжках из листьев герани,
фасоли и ивы (число корней) на 1 растение

Контроль					Вытяжка из листьев:											
					герани				фасоли				ивы			
					12.	15.	17.	20.	12.	15.	17.	20.	12.	15.	17.	20.
Концент-рация	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX	IX
I					5	9,5	13,0	26,0	2,5	8,0	4,5	6,0	0	0	1	1,5
II					2	4,5	7,0	14,0	1,0	2,0	3,0	4,5	0	0	1	2,0
III	0	0	2	3	1	1,5	2,5	6,0	2,0	2,0	2,5	3,0	0	1,5	2,5	5,0
IV					0	0,5	2,0	3,5	0	0	1,0	2,0	0	0	0	1,0

Наиболее быстро нарастало количество корней у герани I; к 20/IX число корней здесь достигло 26, почти в 9 раз превышая контроль; при этом корни росли не только с поверхности среза черенков, но из узлов стебля, образовав в дальнейшем несколько крупных прядей.

С уменьшением концентрации вытяжек снижается и количество корней (герань и фасоль). Растворы III и IV как герани, так и фасоли оказались слабо эффективными; при наименьшей из взятых концентраций появление корней запаздывает (как и у контроля) на водопроводной воде на 5 дней.

Что касается вытяжек из листьев ивы, то они оказали очень слабое действие на корнеобразование у черенков герани, причем только в концентрации III, в этом случае первое появление корней наблюдалось на два дня раньше, чем у контроля. Хорошо укоренившиеся черенки в дальнейшем были переданы для высадки в почву.

27/IX все слабо укоренившиеся растения, имевшие 4—5 корней (сюда вошли растения, бывшие на III и IV вытяжках фасоли, на IV вытяжке герани, а также почти все черенки, бывшие на вытяжке из ивы), были разбиты на две группы: одна — контрольная, оставлена на водопроводной воде, другая — опытная, была перенесена на свежий раствор вытяжки герани оптимальной концентрации. На такой же раствор было перенесено несколько черенков, давших хорошее корнеобразование на вытяжках фасоли в первом опыте. У последних к этому времени корни достигли 6—7 см в длину и приняли коричневую окраску.

После 6 дней пребывания на вытяжке герани растения перенесены на водопроводную воду. Спустя 5 дней у всех опытных черенков начали появляться новые белые корни.

20/X можно было констатировать, что черенки, бывшие в первом опыте на вытяжке ивы II, дали прекрасную корневую систему, состоявшую из корней базальной части черенка и стеблевой — первого снизу узла (в среднем 26 шт. до 3,5 см в длину). Черенки, бывшие в первом опыте на вытяжке ивы I, дали до 34 корней, черенки, бывшие на вытяжках фасоли III и IV, образовали по 10—15 новых корней из базальной части и много коротких мелких корней из 3 стеблевых узлов. Корни же черенков, хорошо развившиеся уже в первом опыте на вытяжках фасоли, быстро и дружно покрылись густой бахромой белых боковых отростков.

У контрольных черенков за тот же период рост корней был очень слабый — новые корни в небольшом количестве появились только в 1—2 узлах стебля. Пониженная температура неотапливаемых до 20 чисел октября помещений лаборатории росту корней не благоприятствовала.

Приблизиться к выяснению причин низкой активности вытяжек из листьев ивы нам помог нижеследующий опыт.

При фильтрации мязки растертых листьев гераниевый фильтрат отделялся легко и быстро — 1 л за 30—40 минут; значительно медленнее отфильтровывалась фасольная и особенно ивовая вытяжка — в последнем случае требовались десятки часов или применение отсасывания.

Учитывая, что важные для жизнедеятельности меристем гормональные вещества типа биоса (в частности витамин В₁, необходимый для роста корней) часто находятся в клетке в связанном состоянии, а также возможность их адсорбции при длительной фильтрации мязки ивы, мы провели автолиз последней, который продолжался 4 суток при 19—23°, после чего мязка отфильтровывалась с соответствующим объемом воды. Объектом служили однолетние черенки ивы (*Salix triandra*). В опыте было 4 варианта: I — контроль, черенки на водопроводной воде, II — черенки, пребывавшие 5 дней в автолизате $\frac{1}{50}$ и затем перенесенные на водопроводную воду, III — 5 дней на вытяжке из свежих листьев ивы $\frac{1}{50}$ и затем на водопроводной воде и IV — черенки после 24 часов на растворе 2—4 ДУ (0,45 мг/л).

Варианты	Число корней	Длина корней в см
I	13	0,9
II	16	1,6
III	8	0,25
IV	12	1,2

Как видно из приведенных данных, вытяжка из свежих листьев ивы угнетает корнеобразование у черенков ивы. Автолизат дал положительный результат; при этом увеличилось как количество корней, так и рост их в длину. Черенки, обработанные 2—4 ДУ, заняли второе место после автолизата, несколько уступая даже контролю по количеству корней, но далеко превосходя его по качеству (толстые, крепкие корни). Имеющиеся указания на способность дубильных веществ подавлять некоторые стороны жизнедеятельности растения (всхожесть семян) (Флеров и Коваленко, 1947) не исключают влияния также и этого фактора в снижении активности свежих вытяжек из листьев ивы.

ВЫВОДЫ

1. По своему физиологическому действию на растение этиловый спирт в ряде отношений (растяжение клеток, усиление деятельности меристемы, корнеобразование у черенков, морфогенный эффект) не отличается от признанных ростовых стимуляторов.

2. Этиловый спирт может быть использован для усиления корнеобразования черенков относительно легко укореняемых растений. Вероятно, что использование его в других случаях, наряду с ростовыми стимуляторами, будет способствовать повышению эффекта корнеобразования.

3. Водные вытяжки из листьев растений (герань, фасоль, крапива) обладают способностью усиливать корнеобразование у стеблевых черенков некоторых растений. Корнеобразующий эффект вытяжек не уступает результату, получаемому с помощью активного ростового стимулятора 2—4 дихлорфеноксиуксусной кислоты.

4. Положительное действие водных вытяжек из листьев разных растений различно. Отрицательный результат при применении вытяжки из листьев ивы, вероятно, обуславливается наличием в клетках ивы дубильных веществ.

5. Положительное действие водных вытяжек на корнеобразование может объясняться тем, что вещества, переходящие в вытяжку, в общем аналогичны тем, которые поступают по проводящим путям растения в зону корнеобразования под влиянием ростовых стимуляторов.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В е х о в Н. К. и И л ь и н М. П. — Вегетативное размножение древесных растений летними черенками. ВИР. Ленинград, 1934.

К о м и с с а р о в Д. А. — Применение ростовых веществ при вегетативном размножении древесных растений черенками. Ленинград, 1946.

Т у р е ц к а я Р. Х. — Приемы ускоренного размножения растений путем черенкования. Академия наук СССР, 1949.

Н а к а и д з е И. А. и П и р ц х а л а й ш в и л и С. Х. — Влияние гетероауксина на окореняемость черенков чайного растения. Агробиология, 5, 1947.

К о н д о И. Н. — Стимулирование корнеобразования у виноградных черенков ростовыми веществами. Доклады Академии наук СССР, 60, № 4, 1948.

К о м и с с а р о в Д. А. — О состоянии ростовых веществ, искусственно введенных в черенки древесных пород. Доклады Академии наук СССР. 1933.

М а к с и м о в Н. А. — Ростовые вещества, природа их действия и практическое применение. Успехи современной биологии.

Х о л о д н ы й Н. Г. — К. А. Тимирязев и современные представления о фитогормонах.

Ф л е р о в А. Ф. и К о в а л е н к о Е. И. — Влияние ростовых

веществ и алкалоидов на развитие черенков и прорастание семян винограда. Доклады Академии наук СССР, 58, № 4, 1947.

Went T. W. — On a substance causing root formation. Proc. Kon. Acad. Wet. Amsterdam. 32; 35—39, 1929.

Stuart N. W. Nitrogen and carbohydrate metabolism of Kidney bean cuttings as affected by treatment with indolelactic acid. The Botanic Gazette. V. 100, № 2, 1938.

Rubland W. u Ramshorn K. — Aërobe Gärung in aktiven pflanzlichen Meristem. Planta. Bd. 38. 1938.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Доцент И в а н о в П. В. — К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II	5
Доцент Т о й б и н И. М. — О прозаических набросках Рылеева философско-исторического содержания	32
Доцент Ф р е н к е л ь И. А. — К вопросу о философских основах психолого-педагогического учения К. Д. Ушинского	58
Доцент К о ч е р г и н П. Г. — Построение и содержание курса географии 5 класса	74
Доцент М и р о ш н и ч е н к о К. Г. — Укоренение стеблевых черенков растений под влиянием этилового спирта и водных экстрактов	88

«УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ»

Редактор С. М. Филиппов.
Технич. редактор П. А. Севрюков.
Корректор З. Ф. Шиле.

Сдано в набор 12.11—1954 г. Подписано к печати 15.4—1955 г.
Бумага 84×108/32. 1,6 б. л., 6,2 п. л.=5,24 п. л. (условн.),
5,9 уч.-авт. л., 6,0 уч.-изд. л. Тираж 500. ИЕ 41243
Курское книгоиздательство. Заказ 5253. Бесплатно.

Типография издательства «Курская правда»,
г. Курск, ул. Ленина, 77.

Бесплатно.